ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГЪ

ПОРТРЕТЫ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

Vida Cerul

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГЪ

ПОРТРЕТЫ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „АРГОНАВТЫ“
БЕРЛИНЪ

Copyright by Argonauten-Verlag G. m. b. H., Berlin 1922.

Рукопись была доставлена по новой орѳографіи.
Транскрипція измѣнена издательствомъ.

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГЪ

ПОРТРЕТЫ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

А. А. Ахматова
К. Д. Бальмонтъ
Ю. К. Балтрушайтисъ
А. А. Блокъ
В. Я. Брюсовъ
Андрей Бѣлый
М. А. Волошинъ
С. А. Есенинъ
В. И. Ивановъ
О. Э. Мандельштамъ
В. В. Маяковскій
В. Л. Пастернакъ
Ѳ. К. Сологубъ
М. И. Цвѣтаева

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА

Я не знаю ни ея лица, ни даже имени. Только скорбная, похожая на надломленное деревцо, женщина Альтмана передъ моими глазами. Она очень устала, любитъ замшеныя скамейки Царскосельскаго парка, у нея розовый зябкій какаду. Я не знаю ея, но я ее знаю лучше поэтовъ, съ которыми прожилъ годы вмѣстѣ. Я знаю ея привычки и капризы, ея комнату и друзей. У другихъ я былъ въ кабинетѣ и въ салонѣ, въ опочивальнѣ и въ часовнѣ. Она подпустила къ сердцу. Я тоже грѣшенъ — у костра ея мученической любви грѣлъ я тихонько застывшія руки, трижды отрекшись отъ Бога. Со страхомъ глядѣлъ я на взлеты подбитой души — птица съ дробинкой, пролетитъ пять шаговъ и вновь упадетъ. Ахъ, какъ застыдился бы Леконтъ де Лиль, увидавъ обнаженную гусиную кожу души на вѣтру передъ равнодушными прохожими! Впрочемъ, прохожіе не совсѣмъ равнодушны, они покупаютъ «Четки», и Ахматова горько жалуется на свою «безславную славу».

Не письмо, не дневникъ, а любящее сердце, въ паноптикумѣ рядомъ съ ассирійскими приспособленіями Брюсова и Сологубовскими розгами изъ Нюренберга. Что-же дѣлать, по законамъ бытія должны мы питаться не проточной водой, но теплой кровью, и не въ первый разъ клюетъ свою грудь жертвенный пеликанъ.

Безсильно повисли руки Ахматовой, и говоритъ она въ себя, какъ человѣкъ, который ужъ не можетъ требовать и не умѣетъ просить. Какую битву проигралъ полководецъ? Отчего послѣ легкаго «Вечера» и жаркихъ «Четокъ» прилетѣла къ ней суровая и снѣжная «Бѣлая стая»? Для нея любовь была не праздникомъ, не виномъ веселящимъ, но насущнымъ хлѣбомъ.

«Есть въ близости людей завѣтная черта»... и напрасно пыталась перейти ее Ахматова. Любовь ея стала дерзаніемъ, мученическимъ оброкомъ. Молодыя барышни, милыя провинціальныя поэтессы, усердно подражавшія Ахматовой, не поняли, что значатъ эти складки у горько сжатаго рта. Онѣ пытались примѣрить черную шаль, спадающую съ чуть сгорбленныхъ плечъ, не зная, что примѣряютъ крестъ.

Для нихъ роковая черта осталась далекой, пріятной линіей горизонта, декоративными звѣздами, о которыхъ мечтаютъ только астрономы и авіаторы. А Ахматова честно и свято повторила жестъ Икара и младенца, пытающагося поймать птичку, Прометея и сумасшедшаго, пробивающаго головой стѣны своей камеры.

RBC/NcU SAVINE

Часто ночью равнодушно гляжу я на полку съ длинными рядами милыхъ и волновавшихъ меня прежде книгъ. За окномъ ночь — необычайная ночь — жизни нѣтъ и нѣтъ конца. О чемъ читать? — развѣ не исполнилось сказанное — не изсякли пророчества и не упразднилось знаніе? Да, но «любовь не престанетъ во вѣкъ» и я повторяю грустныя слова гостьи земли, нареченной «Анна». Ея стихи можно читать послѣ всѣхъ, ужъ не читая, повторять въ бреду.

Текутъ вѣка и что мнѣ оникъ или порфиръ древняго храма, что мнѣ вся мудрость Экклезіаста? Но въ глазахъ возлюбленной я вижу отблескъ неотгорѣвшаго огня бѣдной Суламиты. Выше Капитолія и Цицерона царятъ надъ міромъ любовники Помпеи, они одни не бѣжали отъ смерти, только они ее побѣдили. Можетъ быть, въ тридцатомъ вѣкѣ ученые будутъ спорить о значеніи сонета Вячеслава Иванова, но старый чудакъ, найдя въ лавкѣ полуистлѣвшій томикъ, у огня таящагося подъ пепломъ, такимъ же жестомъ, какъ я, будетъ грѣть замерзшія руки — отлюбившее и жаждущее еще любить, вѣчно любить сердце.

1919.

* * *

Настоящую нѣжность не спутаешь
Ни съ чѣмъ. И она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мнѣ плечи и грудь въ мѣха.

И напрасно слова покорныя
Говоришь о первой любви.
Какъ я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои.

Декабрь. 1913 г.

* *
*

Можжевельника запахъ сладкій
Отъ горящихъ лѣсовъ летитъ.
Надъ ребятами стонутъ солдатки.
Вдовій плачъ по деревнѣ звенитъ.

Не напрасно молебны служились,
О дождѣ тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанныя поля.

Низко, низко небо пустое,
И голосъ молящаго тихъ...
Дѣлятъ тѣло Твое пресвятое,
Мечутъ жребій о ризахъ Твоихъ.

Іюль 1914.

* *
*

Есть въ близости людей завѣтная черта:
Ея не перейти влюбленности и страсти,
Пусть въ жуткой тишинѣ сливаются уста
И сердце рвется отъ любви на части.
И слово тутъ безсильно, и года
Высокаго и огненнаго счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истомѣ сладострастья.
Стремящіеся къ ней безумны, а ея
Достигшіе поражены тоскою:
Теперь ты понялъ, отчего мое
Не бьется сердце подъ твоей рукою.

* *
*

Тяжела ты, любовная память,
Мнѣ въ дыму твоемъ тлѣть и горѣть.
А другимъ — это только пламя,
Чтобъ остывшую душу грѣть.

Чтобы грѣть пресыщенное тѣло
Имъ надобны слезы мои.
Для того ли я, Господи, пѣла,
Для того ль причастилась любви?

Дай мнѣ выпить такой отравы,
Чтобы сдѣлаться мнѣ нѣмой,
И мою безславную славу
Осіяннымъ забвеніемъ смой.

* *
*

Чѣмъ хуже этотъ вѣкъ предшествовавшихъ? Развѣ
Тѣмъ, что въ чаду печалей и тревогъ
Онъ къ самой черной прикоснулся язвѣ,
Но исцѣлить ее не могъ?

Еще на западѣ земное солнце свѣтитъ,
И кровли городовъ въ его лучахъ горятъ...
А здѣсь ужъ, бѣлая, дома крестами мѣтитъ,
И кличетъ вороновъ, и вороны летятъ.

ЮРГИСЪ КАЗИМИРОВИЧЪ БАЛТРУШАИТИСЪ

Поэтъ стихи не пишетъ, но говоритъ, пусть беззвучно, но все же шевелятся его губы. Руки — потомъ, руки — это почти наборщикъ. Есть уста поэтовъ изступленныя или лепечущія, мудрыя или суерѣчивыя. На пустынномъ лицѣ Балтрушайтиса особенно значителенъ ротъ, горько сжатый ротъ, какъ будто невидимый перстъ тяжелый и роковой лежитъ на немъ. Балтрушайтисъ такъ часто повторяетъ слово «нѣмотствовать». Какая странная судьба — тотъ, кто долженъ говорить, влюбленъ въ нѣмоту! Въ пристойномъ салонѣ собрались поэты. Бальмонтъ разсказываетъ о пляскѣ какихъ-то яванокъ или папуасокъ. Неистовый Андрей Бѣлый словами и руками прославляетъ дорнахское капище. Какіе-то прилежные ученики спорятъ о пэонахъ Дельвига. Футуристы рѣзво ругаются. Въ черномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ, Балтрушайтисъ молчитъ. Не просто молчитъ, но торжественно, непоколебимо, какъ будто противопоставляя убожеству и суетѣ человѣческихъ словъ «благое молчаніе». Такъ же молчалъ онъ на сборищахъ юныхъ символистовъ, бушевав-

шихъ подъ сѣнью «Вѣсовъ» или на засѣданіяхъ «Тео», слушая наивныя поученія теоретиковъ пролеткульта. Когда въ Россіи профессія сдѣлалась необходимостью, Балтрушайтисъ сталъ не ораторомъ, а дипломатомъ. Тамъ, въ кабинетахъ, творящихъ войну или миръ, гдѣ бѣлыя мѣста значутъ больше тривіальныхъ строкъ, гдѣ паузы убѣдительнѣе заученныхъ завѣреній, онъ смогъ проявить свое высокое искусство — молчать.

Но развѣ поэтъ долженъ спорить, разсказывать, обличать? Поэтъ «вѣщаетъ». Нѣмой Балтрушайтисъ, когда приходитъ урочный часъ, разрѣшается сжатыми, строгими строками. Великой суровостью дышетъ ликъ Балтрушайтиса. Это суровость сѣверной природы. Рѣдко, рѣдко младенческая улыбка, какъ бѣглый лучъ скупого солнца, озаряетъ на мигъ его. Напрасно суетный читатель сталъ бы искать въ его стихахъ красочныхъ образовъ и цвѣтистыхъ словъ. Стихи Балтрушайтиса гравюра по дереву. Въ нихъ только черныя и бѣлыя пятна. Въ призрачномъ свѣтѣ полярнаго дня нѣтъ красокъ и только огромныя формы, вѣская плоть земли давятъ душу. Никогда Балтрушайтисъ не украшаетъ своего скуднаго разсказа пышными одеждами. Въ его кабинетѣ пусто. Только столъ рабочій и большое распятье. Стихи его похожи на голыя стѣны древней молельни, гдѣ нѣтъ ни золотыхъ ризъ иконъ, ни крытыхъ пестрыми каменьями статуй, гдѣ человѣкъ глазъ на глазъ ведетъ извѣчный споръ съ грознымъ Вседержителемъ. Читаетъ стихи Балтрушайтисъ размѣренно и глухо, не выдавая волненія, не возвышая и не

понижая голоса, будто путникъ, повѣствующій о долгихъ скитаніяхъ въ пустынѣ. Немногимъ близки и внятны его стихи. Вѣдь мы ждемъ отъ поэта видѣній новыхъ и мѣняющихся и требуемъ, чтобы онъ насъ дивилъ, какъ причудливый цвѣтникъ или какъ танецъ негритянки. «Балтрушайтисъ... Но вѣдь это такъ скучно» — еще сегодня сказала мнѣ барышня, которая любитъ замѣнять стихами Гумилева невозможныя въ наши дни путешествія. Да, Балтрушайтисъ очень скученъ и очень однообразенъ, но въ этомъ его мощь. Есть на свѣтѣ не только цвѣтники Ривьеры и гавоты Рамо, но еще скучные пески пустыни и скучное завываніе вѣтра въ нескончаемую осеннюю ночь. Прекрасны дѣвственные лѣса, священное бездорожье, прекрасны тысячи тропинокъ, несхожихъ другъ съ другомъ, которыя сквозятъ въ зеленой чащѣ, уводя къ невѣдомымъ прогалинамъ и таинственнымъ озерамъ. Но такъ же прекрасна длинная прямая дорога, бѣлая отъ пыли въ іюльскій полдень, которую мѣтятъ только скучные верстовые столбы. Балтрушайтисъ идетъ по ней, куда — не все ли равно? Надо итти — онъ не считаетъ дней и потерь, онъ идетъ и не выше ли всѣхъ пилигримовъ тотъ крестоносецъ, который, не видя ни миражей пустыни, ни золотыхъ крестовъ Іерусалима мерцающихъ впереди — ничего, гордо несетъ черезъ пески и дни, тайной страстью выжженный на груди, крестъ?

1919.

ЗАПОВѢДЬ СКОРБИ

Когда предъ часомъ сердце наго
Въ кровавой смутѣ бытія,
Прими свой трудный мигъ, какъ благо,
Вечерняя душа моя.

Пусть въ частыхъ пыткахъ поникая,
Сиротствуетъ и плачетъ грудь,
Но служитъ тайнѣ боль людская
И путь тревоги — Божій путь...

И лишь, творя свой долгъ средь тѣни,
Мы жизнью возвеличимъ міръ
И вознесемъ его ступени
Въ ту высь, гдѣ вѣченъ звѣздный пиръ...

И вѣщій трепетъ жизни новой,
Скорбя, лишь тотъ взроститъ въ пыли,
Кто возлюбилъ вѣнецъ терновый
И весь отрекся отъ земли...

ВѢРУЮ

Знаю я въ яви вселенной
Плачъ на разсвѣтномъ порогѣ,
Путь человѣческій въ зноѣ.
Длящійся ложно . . .

Знаю, какъ сердце земное
Хило во снѣ и въ тревогѣ,
Немощно въ радости тлѣнной
Въ скорби ничтожно . . .

Вижу я въ смертной истомѣ
Годы заботы и крохи
Блага, блаженство и рядомъ
Горе у двери —

Юность съ сѣдѣющимъ взглядомъ,
Старость съ проклятьемъ во вздохѣ,
Въ нищемъ и княжескомъ домѣ
Тѣ же потери . . .

Снится мнѣ въ жизни, однако,
Цвѣтъ человѣческой доли.
Полдень души безпечальной
Въ мирѣ и въ спорѣ —

Вѣрю я въ жребій вѣнчальный,
Въ царствіе часа безъ боли,
Въ посохъ, ведущій средь мрака
Вѣчныя зори...

Вѣрую, вѣрую, Боже,
Въ сумракъ о звѣздахъ поющій,
Свѣтъ воскресенья сулящій
Чудомъ страданья...

Вѣрую въ молотъ дробящій,
Въ пламя и въ мечъ создающій,
Въ жертву зиждительной дрожи,
Въ даръ оправданья.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Текутъ, текутъ песчинки,
Въ угоду бытію,
Крестины и поминки
Вплетая въ нить свою . . .

Упоренъ бѣгъ ихъ сѣрый,
Одинъ, что свѣтъ, что мгла . . .
Судьба для горькой мѣры
Струю ихъ пролила . . .

И въ смѣнѣ дня и ночи,
Скользя, не можетъ нить
Ни сдѣлать боль короче,
Ни сладкій мигъ продлить . . .

И каждый, кто со страхомъ,
Съ тоской на жизнь глядитъ,
Дрожа надъ зыбкимъ прахомъ,
За убылью слѣдитъ, —

Слѣдитъ за нитью тонкой,
Тоской и страхомъ живъ,
Надъ малою воронкой
Дыханье затаивъ!

НА УЛИЦѢ

Стою одинъ на перекресткѣ,
Средь шума улицъ городскихъ,
Вникая праздно въ пыль и блестки,
Въ покой и важность лицъ людскихъ . . .

Какое хитрое сплетенье —
Безъ явной связи и межи —
И сна и горькаго смятенья,
Слѣпой правдивости и лжи.

Снуютъ наряды, перстни, бусы,
И жадность устъ и алчность глазъ,
Ханжи бродячіе и трусы,
Тщета и глупость на показъ

И видны, — видны сквозь румяна
Земного счастія кроха,
Печать корысти и обмана,
Клеймо позора и грѣха . . .

Ползетъ чудовищемъ стоногимъ.
Чей темный голодъ глухъ и нѣмъ,
Толпа, довольная немногимъ,
Неутоленная ничѣмъ . . .

И каждый носитъ въ сердце сонномъ
Свободу, ставшую рабой,
Случайность, ставшую закономъ,
И жребій прихоти слѣпой...

И жутокъ свѣтъ во взглядахъ смѣлыхъ
И грозенъ всюду знакъ судьбы
На пальцахъ горько загрубѣлыхъ,
На спинахъ, согнутыхъ въ горбы...

И всѣхъ равняетъ знакомъ сходства,
Примѣтой Божьяго перста,
Одно великое сиротство,
Одна великая тщета.

СКАЗКА

У людской дороги, въ темный прахъ и илъ,
Въ жаждѣ сѣва Вѣчный тайну заронилъ . . .
И вскрываясь въ яви, какъ свѣтаетъ мгла,
Острый листикъ травка къ свѣту вознесла...

Вотъ и длились зори, дни и дни текли,
И тянулся стройно стебель отъ земли...
И на немъ, какъ жертва, къ солнцу былъ воздѣтъ
Въ часъ лазурной шири алый-алый цвѣтъ...

Такъ и разрѣшилось въ пурпурѣ цвѣтка
Все нѣмотство праха, дольняя тоска...
И была лишь слава міру и веснѣ —
Вотъ, что скрыто Богомъ въ маковомъ зернѣ.

КОНСТАНТИНЪ ДИМИТРІЕВИЧЪ БАЛЬМОНТЪ

Помню ноябрьское туманное утро и длинныя сѣрыя набережныя Сены. Рѣялъ мелкій дождикъ и тоскливо отсвѣчивали сизыя стѣны похожихъ другъ на друга домовъ. Прохожіе, хмурые, окунувъ лица въ воротники, ежась бѣжали на работу. Но у витрины какой-то лавченки они останавливались и долго стояли, будто завороженные какимъ-то чудеснымъ видѣніемъ. За мутнымъ слезящимся стекломъ въ маленькой клѣткѣ сидѣлъ попугай. Стеклянными глазами онъ глядѣлъ вдаль и время отъ времени величественно хлопалъ крыльями. Казалось нелѣпымъ его слишкомъ яркое опереніе: изумрудный хвостъ, лазурный хохолокъ, малиновыя крылья. Стояли на вѣтру, а потомъ каждый уносилъ съ собой въ контору или въ парламентъ, въ магазинъ или въ университетъ смутное, неизъяснимое волненіе. Быть можетъ напоминалъ онъ о зеленыхъ рощахъ Явы, о кровавомъ солнцѣ, падающемъ въ пески пустынь, о сапфирной епитрахили тропической ночи.

Не такимъ ли попугаемъ являлся Бальмонтъ въ унылые кануны нашей эпохи? Онъ мнился нелѣпымъ, безцѣльнымъ, въ своей безцѣльности трижды необходимымъ. Я видѣлъ — въ давніе дни — какъ въ чопорномъ кварталѣ Парижа — Пасси прохожіе останавливались завидѣвъ Бальмонта и долго глядѣли ему вслѣдъ. Не знаю, за кого принимали его любопытные рантье — за русскаго „prince", за испанскаго анархиста, или, просто, за обманувшаго бдительность сторожей сумасшедшаго. Но ихъ лица долго хранили слѣдъ недоумѣнной тревоги, долго они не могли вернуться къ прерванной мирной бесѣдѣ о погодѣ или о политикѣ въ Марокко. А нѣсколько лѣтъ спустя, въ первую зиму революціи, на улицахъ Москвы, покрытыхъ корою льда, средь голодныхъ угрюмыхъ людей, осторожно, гуськомъ, обходящихъ особенно скользкія мѣста я видѣлъ тѣ же изумленные взоры и повернутыя назадъ головы. Нужны были три года, пустынные и слѣпительные, когда крестный путь сталъ обычной проселочной дорогой (и наоборотъ), когда нѣкій дикій Олимпъ сдѣлался повседневной резиденціей любого обывателя, а олимпійцы либо переѣхали въ музей, либо занялись пилкой дровъ, будучи при этомъ непостижимо сходны съ простыми смертными, нужны были эти безумные годы, чтобы затмить пожаромъ материковъ давнее окно, гдѣ еще горитъ и томится заморская птица.

Время, время! Не тебѣ ли служитъ до послѣдняго посмертнаго ямба поэтъ? Не подъ твоими ли, воспѣтыми имъ, колесами онъ гибнетъ? Легко осыпаются позднія розы, мгновененъ вѣкъ мотылька и только

поэту суждено жить съ плодами, со славою, съ полнымъ собраніемъ сочиненій, съ неистребимыми воспоминаніями.

Воистину трагична судьба Бальмонта. Глядя на него я — еще въ который разъ? — возмущаюсь необъяснимыми причудами Верховнаго Режиссера. Что это — «божественный абсурдъ» или, просто, непростительная разсѣянность? Выкинуть рѣзкимъ пинкомъ на сцену средневѣковья бѣднаго Франсуа Вильона, который въ точности зналъ всѣ лабиринты двадцатаго вѣка, и забыть о чудесномъ труверѣ, пѣвцѣ «златовейныхъ», «огнекрылыхъ», «утонченныхъ» и другихъ прекрасныхъ дамъ. Пропустить и салоны Діаны де Пуатье, и навсегда потерянную возможность быть зарисованнымъ Веласкезомъ и даже скромный пуншъ средь невскихъ харитъ въ каморкѣ Языкова, чтобы бросить поэта испанцевъ «опьяненныхъ алой кровью» въ вѣкъ танковъ, конгрессовъ интернаціонала и прочей тяжеловѣсной декораціи, для которой ни Ронсаръ, ни Гонгора, ни Языковъ даже наименованій не нашли бы.

Любите же въ Бальмонтѣ великолѣпіе анахронизма! Когда насаждаются республики, чтите въ немъ короля. На его мѣдномъ лицѣ зеленые глаза. Онъ не ступаетъ, не ходитъ даже, его птичьи ноги какъ будто не хотятъ касаться земли. Его голосъ похожъ то на клекотъ, то на щебетъ и русское ухо тревожатъ непривычные, носовые «н» въ любимыхъ рифмахъ «влюбленный, опьяненный, полусонный»...

Какъ образцовый король Бальмонтъ величественъ, нелѣпъ и трогателенъ. Онъ порождаетъ въ

сердцахъ преклоненье, возмущенье и жалость. Въ дни полуденнаго «Будемъ какъ Солнце» падали ницъ, заслышавъ его пронзительный голосъ. Но вотъ вчерашніе рабы бунтуютъ и свергаютъ властелина. Бальмонта ненавидятъ за то, что поклонялись ему, за то, что учиться у него нечему, а подражать ему нельзя. И дальше — Бальмонтъ въ «Пѣсняхъ Мстителя» или въ «Корниловскихъ» стихахъ—политикъ, въ «Жаръ-Птицѣ»—филологъ, Бальмонтъ—мистикъ, публицистъ, философъ — бѣдный, бѣдный король!

Бальмонтъ объѣхалъ весь свѣтъ. Кажется, міровая поэзія не знала поэта, который столько времени провелъ на палубѣ парохода или у окна вагона. Но переплывъ всѣ моря и пройдя всѣ дороги, онъ ничего въ мірѣ не замѣтилъ, кромѣ своей души. Вотъ эта книга — Бальмонтъ въ Египтѣ, а эта — Бальмонтъ въ Мексикѣ. Бунтующіе, вы хотите корить его за это? Преклонитесь лучше передъ душой, которая такъ велика, что десятки лѣтъ ее изслѣдуетъ неутомимый путешественникъ, открывая все новыя пустыни и новые океаны.

Бальмонтъ знаетъ около тридцати языковъ. Легко изучилъ онъ десятки говоровъ и нарѣчій. Но заговорите съ нимъ даже по-русски, невидящими глазами онъ посмотритъ на васъ и душа, не разсѣянная, нѣтъ, просто отсутствующая, ничего не отвѣтитъ. Бальмонтъ понимаетъ только одинъ языкъ — бальмонтовскій. Въ его перепѣвахъ Шелли и сказатель былинъ, дѣвушка съ острововъ Полинезіи и Уитманъ говорятъ тѣми же словами.

Часто возмущаются — сколько у Бальмонта плохихъ стиховъ. Показываютъ на полку съ пухлыми томами—какой? 20-ый? 30-ый? Есть поэты тщательно шлифующіе каждый алмазъ своей короны. Но Бальмонтъ съ королевской расточительностью кидаетъ полной пригоршней цѣнныя каменья. Пусть среди нихъ много стекляшекъ, но не горятъ ли вѣрнымъ свѣтомъ «Горящія Зданія» или «Будемъ какъ Солнце»? Кто осудитъ этотъ великолѣпный жестъ, прекрасное мотовство?

Сейчасъ труднѣе всего понять и принять Бальмонта. Мы слишкомъ далеки ужъ отъ него, чтобы признать его современность и слишкомъ близки, по моему, чтобы постичь его «вѣчность». Вмѣстѣ со многимъ другимъ мы преодолѣваемъ Бальмонта. Мы всѣ хорошо помнимъ, что писарь изъ Царицына декламируетъ «Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ». Но легко забываемъ, что талантъ отнюдь не уничтожаетъ безвкусія, и что иныя строки Бальмонта, проступая сквозь туманъ годовъ, значатся въ какой-нибудь хрестоматіи XXI-го вѣка.

Бальмонтъ страстно любилъ и любитъ Россію, любитъ конечно, какъ это ему свойственно — своевольно, капризно, бурно. Заморскій гость на вѣки отравленный широтой ея степей, дыханьемъ болотъ, молчаньемъ снѣговъ. О, какой это роковой и мучительный романъ! Россія въ бреду, въ тоскѣ, темная и взыскующая не хочетъ открыть своего сердца нетерпѣливому романтику. Тогда, какъ обманутый въ ожиданьяхъ влюбленный, онъ клянетъ, грозитъ, увѣряетъ себя и всѣхъ, что излѣчился отъ страсти — «въ

это лѣто я Россію разлюбилъ», — чтобы потомъ снова у двери шептать ея незабываемыя имена.

Отсюда великое одиночество Бальмонта, послѣ тысячъ и тысячъ дружескихъ рукъ, сжимавшихъ его неудержимую и неудержанную. Грозная буря выкинула его на этотъ парижскій островъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя Робинзономъ, не видя Пятницы, но лишь злостныхъ пирующихъ людоѣдовъ.

Любить Бальмонта живой, простой, человѣческой любовью, такъ какъ мы любимъ Блока или Ахматову, нельзя. Какъ осенніе цвѣты онъ ярокъ и пестръ, въ ярости своей неуютенъ, страшенъ и не то слишкомъ зноенъ, не то смертельно холоденъ. Но разсказывая дѣтямъ о нашихъ великихъ и суровыхъ годахъ, мы скажемъ имъ и о томъ, кто, самъ того не вѣдая, поджегъ много былыхъ зданій и рыжимъ, злымъ костромъ окровавилъ небо угрюмыхъ Кануновъ.

1919.

* *
*

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце.
И синій кругозоръ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце
И выси горъ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Море
И пышный цвѣтъ долинъ.
Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ,
Я властелинъ.

Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.
Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любимъ за то.
Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобы видѣть Солнце,
А если день погасъ,
Я буду пѣть... Я буду пѣть о Солнцѣ
Въ предсмертный часъ.

* *
*

Она отдалась безъ упрека,
Она цѣловала безъ словъ,
— Какъ темное море глубоко,
Какъ дышатъ края облаковъ!

Она не твердила: «Не надо»,
Обѣтовъ она не ждала.
— Какъ сладостно дышитъ прохлада,
Какъ таетъ вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утратъ.
— Какъ сказочно свѣтятъ созвѣздья,
Какъ звѣзды безсмертно горятъ.

* *
*

Я — изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты — предтечи,
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я — прозрачный ручей,
Я — внезапный изломъ,
Я — играющій громъ,
Я — для всѣхъ и ничей.

Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
Драгоцѣнные камни земли самобытной,
Переклички лѣсныя зеленаго мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.

Вѣчно-юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя и въ другихъ,
Я — изысканный стихъ.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Есть въ русской природѣ усталая нѣжность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали.

Приди на разсвѣтѣ на склонъ косогора —
Надъ зыбкой рѣкою дымится прохлада,
Чернѣетъ громада застывшаго бора, —
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.

Недвижный камышъ. Не трепещетъ осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко, далеко.
Во всемъ утомленье глухое, нѣмое.

Войди на закатѣ, какъ въ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада,
Деревья такъ сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.

Какъ будто душа о желанномъ просила,
И сдѣлали ей незаслуженно-больно,
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

* *
*

Не собралъ я этимъ лѣтомъ Божьей жатвы,
Не писалъ благовѣствующихъ стиховъ,
Видѣлъ низость, суесловье, лживость клятвы,
Милліоны обезумѣвшихъ рабовъ.

Не дышалъ я этимъ лѣтомъ духомъ луга,
Ни единаго не встрѣтилъ я цвѣтка,
Видѣлъ руку, что заноситъ братъ на друга.
Зналъ, что радость хоть близка, но далека.

Не узналъ я этимъ лѣтомъ поцѣлуя,
Слышалъ только тотъ позорный поцѣлуй,
Что предатели предателямъ, ликуя,
Раздавали столько, сколько въ морѣ струй.

Этимъ лѣтомъ — униженье нашей воли,
Этимъ лѣтомъ — расточенье нашихъ силъ,
Этимъ лѣтомъ — я одинъ въ пустынной долѣ,
Этимъ лѣтомъ — я Россію разлюбилъ.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЛОКЪ

Я никогда не видалъ Блока. Случайные разсказы о немъ слились съ образомъ смутнымъ, но неотступнымъ, созданнымъ моей мечтой. Этотъ портретъ — видѣніе наивной дѣвочки, которая надъ книгой думаетъ, какіе были у героя глаза, каріе или голубые. Быть можетъ А. А. Блокъ совсѣмъ не похожъ на моего Блока. Но развѣ можно доказать, кто подлинный изъ двухъ? Я даже боялся бы увидать того, кто живетъ въ Петербургѣ, ибо роль дѣвочки, познающей житейскую правду — скверная роль.

Я вижу Блока, не одержимымъ отрокомъ, отравленнымъ прикосновеніемъ неуловимыхъ рукъ, который на улицѣ оглядывается назадъ, вздрагиваетъ при скрипѣ двери и долго глядитъ на конвертъ съ незнакомымъ почеркомъ, не въ силахъ вскрыть таинственнаго письма. Я не различаю дней «Снѣжной маски»,тумановъ и вуали, приподнятой уже, не «прекрасной», но дамы Елагинаго острова, и жалящей тоски. Предо мной встаетъ Блокъ въ его «Ночные часы». Пустой домъ, хозяинъ замкнулся, крѣпко за-

перъ двери, чтобы больше не слышать суетныхъ шаговъ. Большія слѣпыя окна тупо глядятъ на бѣлую ночь, на молочную, стеклянную рѣку. Блокъ одинъ. Блокъ молчитъ. На спокойномъ холодномъ лицѣ большіе глаза, въ которыхъ ни ожиданія, ни тоски, не только послѣдняя усталость. Городъ спитъ. Зачѣмъ онъ бодрствуетъ? Зачѣмъ внимаетъ ровному дыханію полуночнаго міра? Не на стражѣ, не плакальщица надъ гробомъ. Человѣкъ въ пустынѣ, который не въ силахъ поднять вѣки (а у Блока должны быть очень тяжелыя вѣки) и который усталъ считать сыплящіеся между пальцами дни и года, мелкія остывшія песчинки.

По великому недоразумѣнію Блока считаютъ поэтомъ религіознымъ. За твердую землю, на которой можно домъ уютный построить, принимаютъ легкій покровъ юношескаго сна, наброшенный на черную бездну небытія. Ужасъ «ничто» Блокъ позналъ сполна, «ничто» даже безъ хвоста датской собаки. Но какіе-то чудесные лучи исходятъ изъ его пустующихъ, нежилыхъ глазъ. Руки обладаютъ таинственой силой прикасаясь, раня, убивая—ласкать. Стихи не итогъ съ нолями, не протоколъ вскрытія могилы, въ которой нашли невоскресшаго бога, но пѣсни сладостныя и грустныя, съ жестокимъ «нѣтъ», звучащимъ болѣе примиряюще, чѣмъ тысячи «да».

Столько у него нѣжности, столько презираемой въ наши дни, благословенной жалости.

Величайшимъ явленіемъ въ Россійской словесности пребудетъ поэма Блока «Двѣнадцать». Не потому, что она преображаетъ революцію, и не потому,

что она лучше другихъ его стиховъ. Нѣтъ, останется жестъ самоубійцы, благославляющаго страшныхъ безлюбыхъ людей, жесть отчаянія и жажды вѣры во что бы то ни стало. Легко было однимъ проклясть, другимъ благословить. Но какъ прекрасенъ этотъ мудрый римлянинъ, спустившійся въ убогія катакомбы для того, чтобы гимнами Митры или Діониса прославить суроваго, чужого, почти презрѣннаго Бога! Нѣтъ это не гимнъ побѣдителямъ, какъ наивно рѣшили «Скифы», не «кредо» славянофила, согласно Булгакову, не обличенья революціи (переставить все наоборотъ — узнаете Волошина?). Это не доводы, не идеи, не молитвы, но исполненный предѣльной нѣжности вопль послѣдняго поэта, въ осеннюю ночь бросившагося подъ тяжелыя копыта развѣдчиковъ иного вѣка, быть можетъ иной планеты.

Хорошо, что Блокъ пишетъ плохія статьи и не умѣетъ вести интеллигентныхъ бесѣдъ. Великому поэту надлежитъ быть косноязычнымъ. Аароны это потомъ, это честные популяризаторы, строчащіе комментаріи къ «Двѣнадцати» въ двѣнадцати толстыхъ журналахъ. Блокъ не умѣетъ писать рецензій, ибо его рука привыкла разсѣкать огнемечущій камень скрижалей.

Легко объяснить достоинства красочнаго образа Державина или блистающаго афоризма Тютчева. Но разскажите, почему насъ не перестанутъ волновать простыя, почти убогія строки: «Я помню чудное мгновенье» или «Мои хладѣющія руки тебя пытались удержать».

Когда читаешь стихи Блока, порой дивишься: это или очень хорошо или это ничто. Простымъ сочетаньемъ, простыхъ словъ ворожитъ онъ, истинный магъ, которому не нужно ни арабскихъ выкладокъ, ни пышныхъ мантій, ни сонныхъ травъ.

У насъ есть прекрасные поэты, и гордиться можемъ мы многими именами. На пышный балъ мы пойдемъ съ Бальмонтомъ, на ученый диспутъ съ Вячеславомъ Ивановымъ, на вѣдьмовскій шабашъ съ Сологубомъ. Съ Блокомъ мы никуда не пойдемъ, мы оставимъ его у себя дома, маленькимъ образкомъ повѣсимъ надъ изголовьемъ.Ибо мы имъ не гордимся,не цѣнимъ его, но л ю б и м ъ, его стихи читаемъ не при всѣхъ, а вечеромъ прикрывъ двери, какъ письма возлюбленной; имя его произносимъ сладкимъ шепотомъ. Пушкинъ былъ первой любовью Россіи, послѣ него она много любила, но Блока она познала въ страшные роковые дни, въ великой огневицѣ, когда любить не могла, познала и полюбила.

1919.

РОССІЯ

Опять, какъ въ годы золотые,
Три стертыхъ треплются шлеи,
И вязнутъ спицы росписныя
Въ расхлябанныя колеи...

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрыя твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя, —
Какъ слезы первыя любви!

Тебя жалѣть я не умѣю,
И крестъ свой бережно несу...
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!

Пускай заманитъ и обманетъ, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманитъ
Твои прекрасныя черты...

Ну, что жъ? одной заботой болѣ —
Одной слезой рѣка шумнѣй,
А ты все та же — лѣсъ, да поле,
Да платъ узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснетъ въ дали дорожной
Мгновенный взоръ изъ подъ платка,
Когда звенитъ тоской острожной
Глухая пѣсня ямщика.

* *
*

О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ
Я забывалъ на горестной землѣ,
Когда твое лицо въ простой оправѣ
Передо мной сіяло на столѣ.

Но часъ насталъ, и ты ушла изъ дому.
Я бросилъ въ ночь завѣтное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забылъ прекрасное лицо.

Летѣли дни, крутясь проклятымъ роемъ...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнилъ я тебя предъ аналоемъ,
И звалъ тебя, какъ молодость свою...

Я звалъ тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лилъ, но ты не снизошла.
Ты въ синій плащъ печально завернулась,
Въ сырую ночь ты изъ дому ушла.

Не знаю, гдѣ пріютъ своей гордынѣ
Ты, милая, ты, нѣжная, нашла...
Я крѣпко сплю, мнѣ снится плащъ твой синій,
Въ которомъ ты въ сырую ночь ушла...

Ужъ не мечтать о нѣжности, о славѣ,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо въ его простой оправѣ
Своей рукой убралъ я со стола.

* *
*

Все на землѣ умретъ — и мать и младость,
Жена измѣнитъ и покинетъ другъ,
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядись въ холодный и полярный кругъ.

Бери свой челнъ, плыви на дальній полюсъ
Въ стѣнахъ изъ льда — и тихо забывай,
Какъ тамъ любили, гибли и боролись,
И забывай страстей бывалый край.

И къ вздрагиваньямъ медленнаго хлада
Усталую ты душу пріучи,
Чтобъ было *здѣсь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

* * *

Рожденные въ года глухіе
Пути не помнятъ своего.
Мы — дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи —
Забыть не въ силахъ ничего.

Испепеляющіе годы.
Безумья-ль въ васъ, надежды-ль вѣсть?
Отъ дней войны, отъ «дней свободы» —
Кровавый отсвѣтъ въ лицахъ есть.

Есть нѣмота — то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.
Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота...

И пусть надъ нашимъ смертнымъ ложемъ
Взовьется съ крикомъ воронье, —
Тѣ, кто достойнѣй, Боже, Боже,
Да узрятъ Царствіе Твое.

СКИѲЫ

Мильоны — васъ. Насъ — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь съ нами!
Да, скиѳы — мы. Да, азіаты — мы.
Съ раскосыми и жадными очами.

Для васъ — вѣка, для насъ — единый часъ.
Мы, какъ послушные холопы,
Держали щитъ межъ двухъ враждебныхъ расъ
Монголовъ и Европы!

Вѣка, вѣка вашъ старый горнъ ковалъ
И заглушалъ грома лавины,
И дикой сказкой былъ для васъ провалъ
И Лиссабона и Мессины!

Вы сотни лѣтъ глядѣли на востокъ,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срокъ,
Когда наставить пушекъ жерла!

Вотъ срокъ насталъ. Крылами бьетъ бѣда,
И каждый день обиды множитъ,
И день придетъ — не будетъ и слѣда
Отъ вашихъ Пестумовъ быть можетъ!

О, старый міръ! Пока ты не погибъ,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, какъ Эдипъ,
Предъ сфинксомъ съ древнею загадкой!

Россія — Сфинксъ. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядитъ, глядитъ, глядитъ въ тебя,
И съ ненавистью, и съ любовью.

Да, такъ любить, какъ любитъ наша кровь,
Никто изъ васъ давно не любитъ!
Забыли вы, что въ мірѣ есть любовь,
Которая и жжетъ, и губитъ!

Мы любимъ все — и жаръ холодныхъ числъ,
И даръ божественныхъ видѣній.
Намъ внятно все — и острый галльскій смыслъ,
И сумрачный германскій геній...

Мы помнимъ все — парижскихъ улицъ адъ,
И венецьянскія прохлады,
Лимонныхъ рощъ далекій ароматъ,
И Кельна дымныя громады...

Мы любимъ плоть — и вкусъ ея, и цвѣтъ,
И душный, смертный плоти запахъ...
Виновны ль мы, коль хрустнетъ вашъ скелетъ
Въ тяжелыхъ, нѣжныхъ нашихъ лапахъ?

Привыкли мы, хватая подъ уздцы
Играющихъ коней ретивыхъ,
Ломать конямъ тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивыхъ...

Придите къ намъ! Отъ ужасовъ войны
Придите въ мирныя объятья!
Пока не поздно — старый мечъ въ ножны,
Товарищи! Мы станемъ — братья!

А если нѣтъ, — намъ нечего терять,
И намъ доступно вѣроломство.
Вѣка, вѣка — васъ будетъ проклинать
Больное, позднее потомство.

Мы широко по дебрямъ и лѣсамъ
Передъ Европою пригожей
Разступимся. Мы обернемся къ вамъ
Своею азіатской рожей!

Идите всѣ, идите на Уралъ.
Мы очищаемъ мѣсто бою
Стальныхъ машинъ, гдѣ дышитъ интегралъ,
Съ монгольскою дикою ордою.

Но сами мы — отнынѣ вамъ не щитъ,
Отнынѣ въ бой не вступимъ сами,
Мы поглядимъ, какъ смертный бой кипитъ,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирѣпый Гуннъ
Въ карманахъ труповъ будетъ шарить,
Жечь города, и въ церковь гнать табунъ,
И мясо бѣлыхъ братьевъ жарить...

Въ послѣдній разъ — опомнись старый міръ!
На братскій пиръ труда и мира,
Въ послѣдній разъ на свѣтлый братскій пиръ
Сзываетъ варварская лира.

ВАЛЕРІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ БРЮСОВЪ

Сухаревка. Расползся, разбухъ, версты на три охватилъ городъ базаръ. Чѣмъ только не торгуютъ: ложечками для святыхъ даровъ, («возьмите, къ солонкѣ пригодится») французскими новеллами, обсосанными, захватанными кусочками сахара. Бородатый мужичекъ на распѣвъ, будто дьячекъ, читаетъ «Извѣстія»—Манифестъ Коммунистическаго Интернаціонала. А рядомъ пробираются сквозь толпу слѣпцы и гнусавятъ: «Восплакался Адамій, раю мой, раю»!..

Вотъ и домъ Брюсова. На длинныхъ полкахъ книги, очень много книгъ, умныхъ, пристойныхъ, торжественныхъ. На стѣнахъ картины, не какія нибудь — съ выставокъ. Хозяинъ сухой, дѣловитый, о чемъ не заговоритъ, сейчасъ библіографію приведетъ. «Совсѣмъ европеецъ!» скажетъ наивный провинціалъ. Нѣтъ, Брюсовъ русскій, и весь онъ точно вышелъ съ этой Сухаревки, изъ заговоровъ, пришептываній великой сказочницы Россіи, преображающей Кинешму въ столицу міра, и пятнадцатый вѣкъ въ тридцатый. Напрасно хвалится Европа экспрессами. У насъ такъ

медленно (какія-то сто верстъ въ часъ) и хромые не ходятъ. Рядомъ съ досчатымъ флигелемъ — небоскребъ, послѣ попивающаго чаекъ à la Byzance Распутина — радіо-ноты Чичерина. Европой Россія быть не желаетъ, и отъ Азіи норовитъ въ Америку.

Брюсовъ похожъ на просвѣщеннаго купца, на варвара, насаждающаго культуру, который за все берется: вмѣсто цынготныхъ селъ — Чикаго построю, изъ Пинѣги фешенебельнй курортъ сдѣлаю, а на верхушкѣ Казбека открою отель «Эксельзіоръ». Задолго до нашихъ дней онъ началъ работать надъ электрофикаціей россійской «изящной словесности». Что то въ немъ не то отъ Петра Великаго, не то отъ захолустнаго комиссара «Совхоза». Онъ пишетъ стихи — классическіе и вольные, парнасскіе и гражданскіе, «декадентскіе» и нравоучительные, сонеты, терцины, баллады, тріолеты, секстины, лэ и прочіе, въ стилѣ Некрасова или Маллармэ, Верхарна или Игоря Сѣверянина. Пишетъ еще драмы, разсказы, повѣсти, романы. Переводитъ съ языковъ древнихъ и новыхъ. Выступаетъ въ роли философа, филолога, художественнаго критика, военнаго корреспондента. Его именемъ подписанъ не одинъ десятокъ книгъ, а помѣстительные ящики его стола хранятъ залежи еще ненапечатанныхъ рукописей. Онъ неутомимъ и не о такихъ ли людяхъ думалъ Блокъ, называя Русь «новой Америкой»?

Брюсовъ какъ-то сказалъ мнѣ, что онъ работаетъ надъ своими стихами каждый день въ опредѣленные часы, правильно и регулярно. Онъ гордится этимъ, какъ побѣдой надъ темной стихіей души.

Изобрѣтатель машины, дѣйстующей безошибочно во всякое время и при всякой температурѣ. Напрасно говорятъ, что случайны и темны пути, по которымъ пришелъ Брюсовъ къ цѣльному и всемѣрному утвержденію коммунизма. Какъ могъ онъ не почувствовать столь близкаго ему пафоса великой механизаціи хаотическаго доселѣ бытія?

Еще слова Брюсова: «Чтобы быть поэтомъ, надо отказаться отъ жизни.» Великая гордыня въ этомъ человѣкѣ: пчела, отрекшись отъ вешняго луга, хочетъ дѣлать медъ. Я не ропщу, если онъ горекъ, я преклоняюсь предъ поэтомъ, ибо соты его все же не пусты!

Нѣтъ ничего легче, чѣмъ критиковать книги Брюсова, обличая ихъ художественную неподлинность. Дѣйствительно, стихи о страсти оставляютъ такое же впечатлѣніе, какъ разсказъ объ Ассаргедонѣ, а Сицилія до удивительности похожа на Швецію. Но вѣдь Брюсову совершенно все равно о чемъ писать, для него поэзія — скачки съ препятствіями. Помню кафэ въ Москвѣ восемнадцатаго года, переполненное спекулянтами, матросами и доморощенными «футуристами» (больше по части «свободнаго пола»), Брюсовъ долженъ импровизировать стихи на темы, предлагаемыя вышеуказанными знатоками. Онъ не смущается ни звономъ ложечекъ, ни тупымъ смѣхомъ публики, ни невѣжествомъ поданныхъ записокъ. Строгій и величественный онъ слагаетъ терцины. Голосъ становится непомѣрно высокимъ, пронзительнымъ. Голова откинута назадъ. Онъ похожъ въ эту минуту на укротителя, подымающаго свой бичъ на

строптивыя, будто львы, слова. Стихи о Клеопатрѣ, о революціи или о кофе со сливками, не все ли равно? Прекрасныя терцины! А барышня въ Конотопѣ пусть вѣритъ и вѣря, трогательно переживаетъ всѣ эти объятія и распятія, Астартъ и Клеопатръ.

Брюсовъ очень часто бываетъ безвкуснымъ. Какъ то неловко читать его «Думы» объ Италіи или военные стихи. («Не съ нами ли вольный французъ?»). Но вѣдь вкусъ—это что-то старческое, налетъ столѣтій. Въ Италіи каждый бродяга усмѣхнется и отмететъ все безвкусное, у насъ же хорошій вкусъ это нѣчто заграничное — грассированіе, журналъ «Аполлонъ» и душевное малокровіе. А Брюсовъ изъ тѣхъ людей, которые только начинаютъ править міромъ.

Я не забуду его, уже сѣдого, но попрежнему сухого и неуступчиваго въ канцеляріи «Лито» (Литературнаго Отдѣла Н. К. П.). На стѣнкахъ висѣли сложныя схемы организаціи россійской поэзіи—квадратики, исходящіе изъ круговъ и передающіе свои токи мелкимъ пирамидамъ. Стучали машинки, множа «исходящія», списки, отчеты, смѣты, и, наконецъ-то, систематизированные стихи. При всемъ своемъ модернизмѣ Брюсовъ чувствуетъ слабость къ античной мифологіи, латинскимъ пословицамъ и всѣмъ изреченіямъ до и послѣ Рождества Христова, ставшимъ достояніемъ любого журналистика. Поэтому я думаю, что, изможденный, больной, онъ, окинувъ удовлетвореннымъ окомъ эту невиданную поэтическую канцелярію, шепталъ про себя: «Нынѣ отпущаещи»!..

Можетъ быть, какая-нибудь стихійная катастрофа поглотитъ современную культуру. Но нынѣ предъ

нами путь человѣчества, желѣзный путь. Россія желаетъ опередить Европу на много вѣковъ. Съ трудомъ Брюсовъ выискалъ во Франціи захудалаго Рэнэ Гиля, который въ противовѣсъ пѣснямъ бѣднаго Леліана изобрѣлъ «научную поэзію». О, конечно, соловей прекрасно поетъ, но будущее, кажется, принадлежитъ граммофону. Въ заданіи Брюсова есть великая мощь, титаническое дерзаніе: онъ хочетъ создать не поэтическую поэзію. Были дѣвственные лѣса и улыбчивые дикари, но пріѣхалъ безпощадный колонизаторъ съ томикомъ стихосложенія. Птицы больше не поютъ, но, быть можетъ, наши дѣти — съ ихъ новымъ слухомъ будутъ наслаждаться однозвучнымъ грохотомъ машинъ и размѣренными гудками.

1920.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ВЕЧЕРНІЙ ПРИЛИВЪ

Кричатъ афиши, пышно-пестрыя,
И стонутъ вывѣсокъ слова,
И магазиновъ свѣты острые
Язвятъ, какъ вопли торжества.
Тамъ спятъ за стеклами матеріи,
Льютъ брилліанты яркій ядъ,
И надъ звѣздой червонцевъ — серіи
Сіяньемъ сѣвернымъ горятъ.
Прорѣзанъ длинными колодцами
Горящихъ улицъ, — городъ живъ...
Киша безсчетными уродцами,
Вечерній празднуетъ приливъ.
Скрывъ небеса съ звѣздами чуткими,
Лучи синѣютъ фонарей —
Надъ мудрецами, проститутками,
Надъ зыбью пляшущихъ людей.
Кадрилей нарушая линіи,
Межъ паръ кружащихся — звеня,
Трамваи мечутъ молніи синія,
Автомобили — снопъ огня.
Позоръ, подъ музыку колесную
Вознесъ смычекъ, какъ дирижеръ,
И слилъ толпу многоголосную
Въ единый и священный хоръ:
«Мы славимъ, Прахъ, Твое Величество,
Тебѣ ведемъ мы хороводъ,
Вкругъ алтарей изъ электричества,
Вонзившихъ копья въ небосводъ!»

Я

Мой духъ не изнемогъ во мглѣ противорѣчій,
Не обезсилѣлъ умъ въ сцѣпленьяхъ роковыхъ.
Я всѣ мечты люблю, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ.

Я возносилъ мольбы Астартѣ и Гекатѣ,
Какъ жрецъ, стотельчихъ жертвъ самъ проливалъ я кровь,
И послѣ подходилъ къ подножіямъ распятій
И славилъ сильную, какъ смерть, любовь.

Я посѣщалъ сады Ликеевъ, Академій,
На воскѣ отмѣчалъ реченья мудрецовъ,
Какъ вѣрный ученикъ, я былъ ласкаемъ всѣми,
Но самъ любилъ лишь сочетанья словъ.

На островѣ Мечты, гдѣ статуи, гдѣ пѣсни,
Я изслѣдилъ пути въ огняхъ и безъ огней,
То поклонялся тѣмъ, что ярче, что тѣлеснѣй,
То трепеталъ въ предчувствіи тѣней.

И странно полюбилъ я мглу противорѣчій,
И жадно сталъ искать сплетеній роковыхъ.
Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ . . .

ПОЭТУ

Ты долженъ быть гордымъ, какъ знамя;
Ты долженъ быть острымъ, какъ мечъ;
Какъ Данту, подземное пламя
Должно тебѣ щеки обжечь.

Всего будь холодный свидѣтель,
На все устремляя свой взоръ.
Да будетъ твоя добродѣтель —
Готовность войти на костеръ.

Быть можетъ, все въ жизни лишь средство
Для ярко-пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ.

Въ минуты любовныхъ объятій
Къ безстрастью себя приневоль,
И въ часъ безпощадныхъ распятій
Прославь изступленную боль.

Въ снахъ утра и въ безднѣ вечерней
Лови, что шепнетъ тебѣ Рокъ,
И помни: отъ вѣка изъ терній
Поэта завѣтный вѣнокъ.

* *
*

Веселый зовъ весенней зелени,
Разбѣгъ морскихъ, надменныхъ волнъ,
Цвѣтокъ шиповника въ разсѣлинѣ,
Межъ тучъ луны прозрачный челнъ,
Весь блескъ, весь шумъ, весь говоръ міра,
Соблазны мысли, чары грезъ, —
Отъ тяжкой поступи тапира
До легкихъ трепетовъ стрекозъ, —
Еще люблю, еще пріемлю,
И ненасытною мечтой
Слѣжу, какъ ангелъ дождевой
Плодотворитъ нагую землю!

Какіе дни мнѣ предназначены
И въ буряхъ шумныхъ и въ тиши,
Но цѣлъ мой духъ и не растрачены
Сокровища моей души!
Опять поманитъ ли улыбкой
Любовь, подруга лучшихъ лѣтъ,
Иль надъ душой, какъ влага зыбкой,
Заблещетъ молній синій свѣтъ, —
На радости и на страданья
Живымъ стихомъ отвѣчу я,
Ловецъ въ пучинѣ бытія
Стоцвѣтныхъ перловъ ожиданья!

Приди и ты, живыхъ пугающій,
Неотвратимый, строгій часъ,
Рукой холодной налагающій
Повязку на сіянье глазъ!
Въ тебѣ я встрѣчу новый трепетъ,
Твой ликъ загадочный вопью,
Пусть къ кораблю временъ прицѣпитъ
Твоя рука мою ладью.
И, вѣрю, вѣчностью хранимый,
Въ тѣхъ даляхъ я узнаю вновь
И страсть, и горесть и любовь,
Блескъ дня, чернь ночи, весны, зимы!..

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ

Вой, вѣтеръ осени третьей,
Просторы Россіи мети,
Пустыя обшаривай клѣти,
Нищихъ вали на пути;

Насмѣхайся горестнымъ плачемъ,
Глядя, какъ голодъ, твой братъ,
То зерно въ подземельяхъ прячетъ,
То душитъ грудныхъ ребятъ;

Догоняй поѣзда на уклонахъ,
Гдѣ въ теплушкахъ люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонутъ,
Дрожа на мѣшкахъ съ крупой;

Въ городахъ безфонарныхъ, беззаборныхъ,
Гдѣ пляшетъ нужда въ домахъ,
Покрутись въ безлюдіи черномъ,
Когда-то шумномъ, въ огняхъ;

А тамъ, на погнутыхъ фронтахъ,
Куда толпы пришли на убой,
Дымъ разстилай къ горизонтамъ,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, вѣтеръ съ горячихъ взморій,
Гдѣ спитъ въ олеандрахъ рай,
Развѣвай наше русское горе,
Наши язвы огнемъ опаляй!

Но вслушайся: въ гулѣ орудій,
Подъ проклятья, подъ вопли, подъ громъ,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поемъ?

Ты, летящій съ морей къ равнинамъ,
Съ равнинъ къ зазубринамъ горъ,
Иль не видишь: подъ стягомъ единымъ
Вновь сомкнутъ великій просторъ!

Надъ нашимъ нищенскимъ пиромъ
Свѣтъ небывалый зажженъ,
Торопя надъ встревоженнымъ міромъ
Золотую зарю временъ.

Эй, вѣтеръ, вѣтеръ! Повѣдай,
Что въ распряхъ, въ тоскѣ, въ нищетѣ,
Идетъ къ заповѣднымъ побѣдамъ
Вся Россія, вѣрна мечтѣ,

Что прежняя сила жива въ ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой, все властнѣй, все державнѣй,
Земныя ведетъ племена!

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

Огромные широко разверстые глаза, бушующіе костры на блѣдномъ, изможденномъ лицѣ. Непомѣрно высокій лобъ, съ островкомъ стоящихъ дыбомъ волосъ. Читаетъ онъ будто Сивилла вѣщающая, и, читая, руками машетъ, подчеркивая ритмъ, не стиховъ, но своихъ тайныхъ помысловъ. Это почти что смѣшно, и порой Бѣлый кажется великолѣпнымъ клоуномъ. Но когда онъ рядомъ — тревога и томленіе, ощущеніе какого-то стихійнаго неблагополучія овладѣваютъ всѣми. Вѣтеръ въ комнатѣ. Кто-то мнѣ пояснилъ, что такое впечатлѣніе производятъ люди геніальные. Мой опытъ въ этой области невеликъ и я склоненъ вѣрить на слово. Андрей Бѣлый геніаленъ. Только странно, отчего минутами передо мной не храмъ, а лишь трагическій балаганъ?

Есть поэты подобные эоловой арфѣ, и есть поэты вѣтру подобные: «что» и «какъ». Бѣлый выше и значительнѣе своихъ книгъ. Онъ блуждающій духъ, не нашедшій плоти, потокъ внѣ береговъ. На минуту ложной жизнью оживляетъ онъ бѣлый, неподвижный камень, и потомъ отходитъ отъ него. Его романы и

стихи, симфонія и философскіе трактаты — это не Бѣлый, — но только чужія изваянія, мертвый музей, таящій еще слѣдъ его горячаго дыханія. Пророкъ, не способный высѣчь на скрижаляхъ письмена. Его губы невнятно шевелятся, повторяя имя невѣдомаго Бога. Вмѣсто ученія — нѣсколько случайныхъ притчей, отдѣльные разбросанные каменья небывшаго ожерелья.

Насъ немного раздражаетъ это летучее лицо, которое такъ быстро проносится мимо, что остается въ памяти лишь свѣтлая туманность. Бѣлый — въ блузѣ работника, строящій въ Дорнахѣ теософскій храмъ, и Бѣлый съ террористами, влюбленный въ грядущую революцію. Бѣлый — церковникъ и Бѣлый — эстетъ, описывающій парики маркизовъ. Бѣлый, считающій съ учениками пэоны Веневитинова и Бѣлый въ «пролеткультѣ», восторженно внимающій безпомощнымъ стихамъ о фабричныхъ гудкахъ. Ихъ много Бѣлыхъ и много наивныхъ людей, крѣпко сжимая пустыя руки, вѣрятъ, что поймали вѣтеръ. Мы всѣ такъ ждемъ пророковъ, такъ жаждемъ указующаго жезла и ногъ, которыя можно было бы лобызать! Почему же никто не пошелъ за Бѣлымъ, ни въ Дорнахъ, ни въ «Пролеткультъ», почему одинокъ онъ въ своихъ круговселенскихъ путешествіяхъ? Почему одни не цѣлуютъ края его одеждъ, а другіе не побиваютъ его каменьями? Почему даже это пламенное слово «геній», когда говорятъ о Бѣломъ, звучитъ какъ титулъ, какъ ярлыкъ, заготовленный какимъ-нибудь журнальнымъ критикомъ? Бѣлый могъ быть пророкомъ: его мудрость горитъ, ибо она безумна, его без-

уміе юродиваго озарено божественной мудростью. Но «шестикрылый серафимъ», слетѣвъ къ нему, не кончилъ работы. Онъ разверзъ очи поэта, онъ далъ ему услышать нездѣшній ритмъ, онъ подарилъ ему «жало мудрое змѣи», но онъ не коснулся его сердца.

Какое странное противорѣчье: неистовая пламенная мысль, а въ сердцѣ вмѣсто пылающаго угля— ледъ. И глядя на сверкающіе кристаллы, на алмазные вѣнцы горныхъ вершинъ, жаждущіе пророка почтительно, даже восторженно говорятъ: «геніально». Но ставятъ прочитанный томикъ на полку. Любовь и ненависть могутъ вести за собой людей, но не безуміе чиселъ, не математика космоса. — Видѣнья Бѣлаго полны великолѣпія и холода. Золото въ лазури, не полдневное свѣтило іюня, но осенній закатъ въ ясный вѣтреный день надъ вспѣненнымъ моремъ. Холодный синій огонь, а въ мраморной урнѣ легчайшій серебряный пепелъ. Въ его ритмѣ нѣтъ ни біенія сердца, ни голосовъ земли. Такъ звенятъ великолѣпные водопады высоко, высоко, тамъ, гдѣ уже трудно дышать, гдѣ простой человѣческій голосъ звучитъ, какъ рогъ архистратига, гдѣ слезы, теплыя, людскія, мгновенно претворяются въ прекрасныя, блистающія, мертвыя звѣзды. — Впрочемъ, все это лишь различіе климатическихъ зонъ.

Развѣ Бѣлый виновенъ въ томъ, что онъ родился не въ долинѣ? Конечно, мы тоже не виновны въ нашей привязанности къ приземистымъ лачугамъ. Остается благословить разнообразіе природы и помечтать о скорѣйшемъ изобрѣтеніи вселенскихъ лифтовъ. — Пока же мы радуемся, что кто-то, пусть

безъ насъ, пусть одинъ, стоитъ наверху. Оттуда виднѣе. Оттуда и только оттуда, гдѣ видны не губерніи, но міры, гдѣ слышенъ ходъ не дней, но тысячелѣтій, могли быть брошены внизъ прекрасныя слова о Россіи — «Мессіи грядущаго дня». Въ этомъ титаническомъ масштабѣ наше спасеніе, среди бурь, которыя преображаютъ міръ, но также рвутъ одежду и бьютъ утварь. Оцѣнимъ же въ Бѣломъ не лоцмана, не желанный берегъ, но лишь голубя, который принесъ намъ вѣсть о землѣ неизвѣстной, но близкой и вѣрной.

1919.

* * *

Довольно, не жди, не надѣйся, —
Разсѣйся, мой бѣдный народъ!
Въ пространства пади и разбейся
За годомъ мучительный годъ.

Вѣка нищеты и безволья!
Позволь же, о родина — мать,
Въ сырое, въ пустое раздолье,
Въ раздолье твое прорыдать.

Туда, на равнинѣ горбатой,
Гдѣ стая зеленыхъ дубовъ
Волнуется купой подъятой
Въ косматый свинецъ облаковъ, —

Гдѣ по полю Оторопь рыщетъ,
Возставъ сухорукимъ кустомъ,
И въ вѣтеръ пронзительно свищетъ
Вѣтвистымъ своимъ лоскутомъ, —

Гдѣ въ душу мнѣ смотрятъ изъ ночи,
Поднявшись надъ сѣтью бугровъ,
Жестокія, желтыя очи
Безумныхъ твоихъ кабаковъ, —

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея, —
Исчезни въ пространство, исчезни
Россія, Россія моя!

1906.

* * *

Золотому блеску вѣрилъ,
А умеръ отъ солнечныхъ стрѣлъ.
Думой вѣка измѣрилъ,
А жизнь прожить не сумѣлъ.

Не смѣйтесь надъ мертвымъ поэтомъ:
Снесите ему цвѣтокъ.
На крестѣ и зимой, и лѣтомъ
Мой фарфоровый бьется вѣнокъ.

Цвѣты на немъ побиты,
Образокъ полинялъ.
Тяжелыя плиты!
Жду, чтобъ ихъ кто-нибудь снялъ.

Любилъ только звонъ колокольный.
И закатъ.
Отчего мнѣ такъ больно, такъ больно?
Я не виноватъ.

Пожалѣйте, придите —
Навстрѣчу вѣнкомъ метнусь.
О, любите меня, — полюбите:
Я, быть можетъ, не умеръ, быть можетъ вернусь—
Проснусь . . . .

РОДИНѢ

Въ годины праздныхъ испытаній,
Въ годины мертвой суеты, —
Затверденѣй алмазомъ брани
Въ перегорѣвшихъ угляхъ — Ты.

Возстань — въ сердцахъ, сердца исполни!
Произрастай нашъ край родной
Неопалимой блескомъ молній
Неодолимой Купиной.

Изъ моря слезъ, изъ моря муки
Твоя судьба — ясна, видна;
Ты простираешь ввысь, какъ руки,
Свои святыя письмена —

Туда — въ развалы грозной Эры
И въ визгъ космическихъ стихій, —
Туда — въ свѣтлѣющія сферы,
Въ грома летящихъ іерархій.

Москва, Ноября 1916.

* * *

Есть въ лѣтѣ что-то роковое, злое...
И — въ воѣ злой зимы...
Волненіе, кипѣніе мірское!
Плѣненные умы.

Всѣ грани чувствъ, всѣ грани правды стерты:
Въ мірахъ, въ годахъ, въ часахъ —
Одни тѣла, тѣла простерты...
И праздный прахъ.

Въ грядущее проходимъ строй за строемъ —
Рабы: безъ чувствъ, безъ душъ...
Грядущее, какъ прошлое покроемъ
Лишь грудой тушъ.

Въ мятежъ міровъ — въ немаревныя муки
Когда-то спасшій насъ,
Простри жъ и ты измученныя руки, —
Въ который разъ!

* *
*

Рыдай, буревая стихія,
Въ столбахъ громового огня!
Россія, Россія, Россія, —
Безумствуй, сжигая меня!

Въ твои роковыя разрухи,
Въ глухія твои глубины —
Струятъ крылорукіе духи
Свои свѣтозарные сны.

Не плачьте: склоните колѣни
Туда — въ ураганы огней,
Въ грома серафическихъ пѣній,
Въ потоки космическихъ дней!

Сухія пустыни позора,
Моря неизбывныя слезъ —
Лучемъ безглагольнаго взора
Согрѣетъ сошедшій Христосъ.

Пусть въ небѣ — и кольца Сатурна
И млечныхъ путей серебро —
Кипи фосфорически бурно
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихія,
Безумствуй, сжигая меня,
Россія, Россія, Россія —
Мессія грядущаго дня!

1917.

МАКСИМИЛІАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВОЛОШИНЪ

Желтые отлогіе холмы, роняя лиловыя тѣни, окаймляютъ пустынный берегъ Чернаго моря. Ни деревца, ни былинки; голый, суровый, напоенный горечью земли и соленымъ вѣтромъ край. Онъ напоминаетъ окрестности Сіенны, мѣста, въ которыхъ Данте предчувствовалъ адъ. Какъ странно, что здѣсь, среди этой благословенной наготы земли выросъ поэтъ золотыхъ, тяжелыхъ ризъ, ревниво скрывающихъ бѣдную, темную плоть. Поэтъ, соблазненный всѣми облаченіями и всѣми масками жизни: порхающими святыми барокко и штейнеровскими идолослуженіями, загадками Маллярмэ и кабаллистическими формулами, замковъ неотмыкающими ключами Апокалипсиса и дендизмомъ Барбэ д'Оревильи. Поэтъ, чье елейное и черезчуръ торжественное имя — Максимиліанъ — почти маска. Маска ли? Грубой рукой не пытайтесь сорвать ее съ только предполагаемаго лица. Не казните довѣрчиваго хитреца злой казнью сатира Марсія или апостола Варфоломея. Вѣдь и лицо можетъ превратиться въ маску и маска

можетъ стать теплой плотью. Нѣтъ, лучше изучайте статьи, похожія на стихи, стихи, похожіе на статьи, цѣлую коллекцію причудливыхъ и занятныхъ масокъ.

Густые, золотые завитки волосъ, очень много волосъ, обступающихъ ясные, вѣжливые, опасно привѣтливые глаза. О, читающіе въ сердцахъ, напрасно вы заглядываете подъ пенснэ, ибо глаза его не дневникъ, но только многотомный энциклопедическій словарь.

Кто разберется въ этихъ противорѣчивыхъ данныхъ? Лихачъ съ Тверской-Ямской, надѣвшій хитонъ Эллина. Парижанинъ съ Монпарнасса въ бархатныхъ штанишкахъ, обросшій благообразной степенной бородой держателя чайной. Коктебель — единственное въ Россіи мѣсто, на Россію никакъ не похожее,—стихи, басомъ распѣваемые, о протопопицѣ. Эллегіи Андри де Ренье о чашахъ этрусскихъ и иныхъ, и котелъ съ доброю кашей, крутой, ядреной, дѣловито поѣдаемой большой деревянной ложкой. Святая Русь, докторъ Штейнеръ, патріархъ, игривые фельетоны Поля Санъ-Виктора, Россія, Европа, міръ — изъ оконъ мастерской, гдѣ много книгъ, много времени, чтобы ихъ читать, и пишущая машинка для гимновъ блаженному юродству.

Пенснэ Волошина, какъ и многому другому довѣрять не слѣдуетъ. Его слабость—слишкомъ зоркій и ясный глазъ. Его стихи — безупречно точныя видѣнія. Одинаковы вырисованы и пейзажъ Коктебеля и Страшный Судъ. Онъ не умѣетъ спотыкаться, натыкаться на фонари или на сосѣднія звѣзды. Изъ всѣхъ масокъ, самая пренебрегаемая имъ — маска слѣп-

ца, будь то счастливый любовникъ, яростный революціонеръ или Великій Инквизиторъ.

Въ первые мѣсяцы войны, когда слѣпота перестала быть привиллегіей немногихъ и ненависть смежила очи народовъ, Волошинъ, единственный изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ сберегъ ясновзорость и мудрость. Средь бурь революціи онъ сохранилъ свою неподвижность, превративъ Коктебель въ какую-то метереологическую станцію. Проклятьямъ Бальмонта и дифирамбамъ Брюсова онъ рѣшительно предпочелъ экскурсіи въ область россійской исторіи, сравненія болѣе или менѣе живописныя съ 93 годомъ, и если не жаркія, то зато обстоятельныя молитвы за бѣлыхъ, за красныхъ, за всѣхъ, своего Коктебеля лишенныхъ. Соблюсти себя въ иныя эпохи почти чудо, и потомъ, можно ли отъ рѣдкаго зерна, хранящагося въ ботаническомъ музеѣ, требовать, чтобы оно погибло и проросло, какъ самое обыкновенное, евангельское, человѣческое, мужицкое?

Когда Волошинъ идетъ, онъ слегка подпрыгиваетъ. Поэтъ Волошинъ прыгаетъ всегда, его образы и мысли — упражненія на трапеціяхъ, смѣлыя сальтомортале. Это отнюдь не для рекламы, но исключительно изъ любви къ искусству. Все, что онъ говоритъ, кажется неестественнымъ, невозможнымъ, и если бы Волошинъ повторялъ таблицу умноженія, мы бы рѣшили, что онъ расточаетъ парадоксы. Грузный Волошинъ кажется безплотнымъ, отвлеченнымъ человѣкомъ, у котораго не можетъ быть біографіи. Ни бархатные штаны, ни стихи о любви не убѣждаютъ въ реальности его существованія. Съ нимъ легко раз-

говаривать о Майѣ, или о надписяхъ на солнечныхъ часахъ, но можно ли только воображаемому человѣку пожаловаться на зубную боль? Отсюда недовѣріе и профессіональная улыбка Волошина, привыкшаго, чтобы его щупали — настоящій ли? Не только Noli me tangere, но всяческія удобства при осмотрѣ. Только намъ не прощупать — на ризѣ риза, а что если подъ всѣми ризами трепетное тѣло съ его жестокими правами, и подъ всѣми пріемами нашего Эредіа страстное косматое сердце?

Нѣтъ, не надо пробовать снять неснимаемую маску!

* *
*

Глубь земли . . . Источенныя крипты.
Слышно пѣнье, — погребальный клиръ.
Вѣтви пальмъ. Сухіе эквалипты.
Запахъ воска. Тлѣніе и миръ.

Здѣсь соборовъ каменные корни.
Прахомъ въ прахъ таинственно сойти,
Здѣсь истлѣть, какъ сѣмя въ темномъ дернѣ,
И цвѣткомъ собора расцвѣсти!

Милой плотью скованное время,
Своды лба и звенья позвонковъ
Я сложу, какъ радостное бремя,
Какъ гирлянды праздничныхъ вѣнковъ.

Не прійдя къ конечному предѣлу,
И земной любви не утоля,
Твоему страдающему тѣлу
Причащаюсь, темная земля.

Свѣтъ очей — любовь мою сыновью
Я тебѣ незрячей отдаю
И своею солнечною кровью
Злое сердце мрака напою.

* *
*

Склоняясь ницъ, овѣянъ ночи синью,
Довѣрчиво ищу губами я
Сосцы твои натертые полынью
О, мать — земля!

Я не просилъ иной судьбы у неба,
Чѣмъ путь пѣвца: бродить среди людей
И растирать въ рукахъ колосья хлѣба
Чужихъ полей.

Мнѣ не отказано ни въ заблужденьяхъ,
Ни въ слабости, и много разъ
Я угасалъ въ тоскѣ и наслажденьяхъ,
Но не погасъ.

Судьба дала мнѣ въ жизни слишкомъ много;
Я-жъ расточилъ, что было мнѣ дано:
Я только гробъ, въ которомъ тѣло Бога
Погребено.

Добра и зла не зная вѣрныхъ граней,
Безкрылая изнемогла мечта . . .
Виномъ тоски и хлѣбомъ испытаній
Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я въ ней сгорю.
За горечь травъ земныхъ, за ѣдкость соли
— Благодарю.

* *
*

Замеръ духъ — стыдливый и суровый,
Знаньемъ новой истины объятъ . . .
Сталъ я ближе къ плоти, больше людямъ братъ.

Я позналъ сегодня ночью новый
Грѣхъ . . . И строже стала тишина —
Тишина души въ провалахъ сна . . .

Чрезъ желанье, слабость и склоненье,
Чрезъ пріятье жизненныхъ веригъ —
Я къ землѣ довѣрчивѣй приникъ.

Есть въ грѣхѣ великое смиренье:
Гордый духъ да не осудитъ плоть!
Черезъ грѣхъ взыскуетъ тварь Господь.

* *
*

Въ эти дни великихъ шумовъ ратныхъ
И побѣдъ, пылающихъ вдали,
Я плѣненъ въ пространствахъ безвозвратныхъ
Оголтѣлой, стынущей земли.

Въ эти дни не спазмой трудныхъ родовъ
Схваченъ духъ: внутри раздранъ онъ
Яростью сгрудившихся народовъ,
Ужасомъ разъявшихся временъ.

Въ эти дни нѣтъ ни врага, ни брата:
Всѣ во мнѣ, и я во всѣхъ; одной
И одна — тоскою плоть объята
И горитъ сама къ себѣ враждою.

Въ эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, какъ дымъ.
Въ эти дни душа больна однимъ
Искушеніемъ — развоплотиться.

1914.

ВИДѢНІЕ ІЕЗЕКІИЛЯ

Богъ нашъ — есть огнь поядающій. Твари
Явленъ былъ свѣтъ на рѣкѣ на Ховарѣ.
Въ бурѣ клубящейся двигался Онъ —
Облакъ, несомый верховными силами,
Четверорукими, шестикрылыми,
Съ бычьими, птичьими, человѣчьими,
Львиными ликами съ разныхъ сторонъ.

Видомъ они — точно угли горящіе,
Ноги прямыя и мѣдью блестящія,
Лики, какъ свѣтъ раскаленныхъ лампадъ.
И вопіющія, и говорящія,
И воззывающе къ Господу: «Святъ.
Святъ Вседержитель». А около разные,
Цвѣтомъ похожи на камень топазъ,
Вихри и диски, колеса алмазныя,
Дымные ободы, полные глазъ.
А надъ животными легкими сводами,
Крылья простертыя въ высоту,
Схожія съ шумомъ, съ гудящими водами,
Переполняющими пустоту.
Выше же вышнихъ, надъ сводомъ всемірнымъ
Тонкимъ и синимъ повитымъ огнемъ,
Въ радужной славѣ, на тронѣ сапфирномъ
Огненный Обликъ, гремящій, какъ громъ.
Былъ я покрытъ налетѣвшей грозою,
Бурею крыльевъ и вихремъ колесъ.
Духъ меня поднялъ съ земли и вознесъ.

Былъ ко мнѣ голосъ:
«Иди предо мною
Въ землю Мою, возвѣстить ей позоръ.
Предъ лицомъ Моимъ вѣтеръ пустыни,
А по стопамъ Моимъ — язвы и моръ.
Буду судиться съ тобою Я нынѣ.

Мать родила тебя ночью въ поляхъ,
Пупъ не обрѣзала, не омыла
И не осолила и не повила —
Бросила дочь на попраніе, въ прахъ.
Я жъ тебѣ молвилъ: живи во кровяхъ.

Выросла смуглой и стройной, какъ колосъ.
Грудь поднялась, закурчавился волосъ,
И округлился, какъ чаша, животъ.
Время любви твоей было. И вотъ,
Въ полдень лежала ты въ полѣ нагая.
И проходилъ и увидѣлъ тебя Я.
Край своихъ ризъ надъ тобою простеръ,
Обнялъ. Обмылъ твою кровь. И съ тѣхъ поръ
Я сочетался съ рабою Моею.
Далъ тебѣ платъ, кисею на лицо,
Перстни для рукъ, ожерелье на шею,
На уши серьги, въ ноздри кольцо,
Поясъ, запястья, вѣнецъ драгоцѣнный
И покрывала изъ тканей сквозныхъ.

Стала краса твоя совершенной
Въ великолѣпныхъ уборахъ моихъ.
Хлѣбомъ пшеничнымъ, елеемъ и медомъ
Я ль не вскормилъ тебя щедрой рукой.
Дальнимъ извѣстна ты стала народамъ
Необычайною красотой.
Но опьяненная славой и властью
Стала мечтать о красивыхъ мужахъ
И распалялась нечистою страстью
Къ изображеніямъ на стѣнахъ.

Между сосѣдей рождала усобья,
Стала распутна, ловка и хитра.
Ты создавала мужскія подобья
Знаки изъ золота и серебра,
Строила вышки, скликала прохожихъ,
И блудодѣяла съ ними на ложахъ,
На перекресткахъ путей и дорогъ
Ноги раскидывала передъ ними . . .
Каждый, придя, оголить тебя могъ
И насладиться сосцами твоими.

Буду судиться съ тобой до конца.
Гнѣвъ изолью. Истощу свою ярость.
Сѣмя сотру, прокляну твою старость.
Отъ Моего не укрыться лица.
Всѣхъ созову, что блудили съ тобою,
Платье сорву и оставлю нагою

И обнажу предъ всѣми твой срамъ.
Темя обрею. Связавши ремнями
Въ руки любовниковъ прежнихъ предамъ,
Пусть тебя бьютъ, побиваютъ камнями,
Хлещутъ бичами нечистую плоть.
Станешь безплодной, истоптанной нивой,
Ибо любима любовью ревнивой . . .
Такъ говорю тебѣ, Я, твой Господь».

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЕСЕНИНЪ

Прежде всего, о хитрости и безхитростности. Сколько лукавства таятъ ангельскіе лики и ограды скитовъ! Какъ наивенъ и простодушенъ Иванъ Карамазовъ передъ смертоноснымъ агнцомъ Алешей. У Есенина удивительно ясные, наивные глаза, великолѣпная ловушка для многихъ Ивановыхъ - Разумниковъ. Какъ не попасться въ эти слова почти изъ Даля, въ святую простоту мужицкаго пророка? Ему вѣдомы судьбы не только Россіи—вселенной. Какъ равному посвящаетъ онъ стихи «конфрэру», пророку Исайѣ. Здѣсь и градъ Инонія, и самъ Есенинъ, вырывающій у Бога бороду и неожиданное приглашеніе «Господи, отелись» . . . Если спросить его, что это собственно все означаетъ, онъ пространно разскажетъ о новгородской иконописи, о скифахъ, еще о чемъ-нибудь, а потомъ, глядя небесными глазками, вздохнетъ: «У насъ, въ Рязанской . . .». Какъ же здѣсь устоять Иванову - Разумнику?

Виноватъ, главнымъ образомъ, цилиндръ. Есенинъ, обращаясь къ старикамъ родителямъ не безъ хвастовства говоритъ, что онъ, прежде шлепавшій босикомъ по лужамъ, теперь щеголяетъ въ цилиндрѣ и въ лакированныхъ башмакахъ. Правда, цилиндра я никогда не видалъ, хоть и вѣрю что это не образъ «имажиниста», но реальность. Зато лакированные башмаки наблюдалъ воочію, такъ же какъ пестрый галстухъ и модный пиджакъ. Все это украшаетъ свѣтлаго, хорошенькаго паренька, говорящаго на распѣвъ, рязанскаго Леля, Ивана-счастливца нашихъ сказокъ. Засимъ слѣдуетъ неизбѣжное — то есть Шершеневичъ, чью ставку — «имажинизмъ» долженъ выручить талантливый, охъ, какой талантливый, подпасокъ, диспуты, литературное озорство, словомъ, цилиндръ, хотя бы и предполагаемый, растетъ и пожираетъ милую курчавую головку. Но, да позволено будетъ портретисту, пренебрегая живописностью костюма, цилиндромъ, «имажинизмомъ» и хроникой московскихъ скандаловъ, заняться лицомъ поэта. Сразу отъ скотоводства небеснаго мы переходимъ къ земному, къ быту трогательному и унылому, къ хулиганству озорника на околицѣ деревушки, къ любви животной, простой, въ простотѣ мудрой. Ахъ, какъ хорошо послѣ Абиссиніи или Версаля попасть прямо въ Рязанскую!

Есенинъ гордо, но и горестно называетъ себя «послѣднимъ поэтомъ деревни». Его стихи—проклятья «желѣзному гостю», городу. Тщетно бѣдный дуралей жеребенокъ хочетъ обогнать паровозъ. Послѣдняя схватка и ясенъ конецъ. Объ этой неравной борьбѣ

и говоритъ Есенинъ, говоритъ крѣпко ругаясь, горько плача, ибо онъ не зритель. Когда Верхарнъ хотѣлъ передать отчаяніе деревни, пожираемой городомъ, у него получился хоть патетическій, но мертвый обзоръ событій. То, чего не съумѣлъ выявить умный литераторъ, питомецъ парижскихъ кружковъ символистовъ, передано россійскимъ доморощеннымъ поэтомъ, который недавно пасъ коровъ, а теперь создаетъ модныя школы. Гдѣ, какъ не въ Россіи, должна была раздаться эта смертная пѣсня необъятныхъ пашенъ и луговинъ?

Русская деревня, сказавъ старины, пропѣвъ пѣсни свои, замолчала на вѣка. Я не очень вѣрю эпигонству фольклора въ лицѣ большого Кольцова и маленькихъ Суриковыхъ. Она вновь заговорила въ свои роковые, быть можетъ, предсмертные дни. Ея выразитель — Сергѣй Есенинъ. Крестьяне теперь, сражаясь съ городомъ, пользуются отнюдь не вилами, но самыми, что ни на есть, городскими пулеметами. Есенинъ также живо приспособилъ всѣ орудія современной поэтической техники. Но пафосъ его стиховъ далекъ отъ литературныхъ салоновъ, онъ рожденъ тѣми милліонами, которые его стиховъ не прочтутъ, вообще чтеніемъ не занимаются, а, выпивъ самогонки, просто грозятся, ругаются и плачутъ.

Вотъ эти слезы, эта ругань, эти угрозы и мольбы — въ стихахъ Есенина. Деревня, захватившая все и безмѣрно нищая, съ піанино и безъ портковъ, взявшая въ крѣпкій кулакъ свободу, и невѣдающая, что съ ней, собственно, дѣлать, деревня революціи — откроется потомкамъ не по статьямъ газетъ, не по

хроникѣ лѣтописца, а по лохматымъ книгамъ Есенина. Откроется и нѣчто большее, внѣ исторіи или этнографіи — экстазъ потери, жертвенная нищета, изувѣрскіе костры самосожженія — поэзія Сергѣя Есенина, поэта, пришедшаго въ этотъ міръ, чтобы «все познать, ничего не взять».

1919.

* * *

Край родной, поля, какъ святцы,
Рощи въ вѣнчикахъ иконныхъ . . .
Я хотѣлъ бы затеряться
Въ зеленяхъ твоихъ стозвонныхъ.

По межѣ, на переметкѣ,
Резеда и риза кашки,
И вызваниваютъ въ четки
Ивы, кроткія монашки.

Куритъ облакомъ болото,
Гарь въ небесномъ коромыслѣ.
Съ тихой тайной для кого-то
Затаилъ я въ сердцѣ мысли.

Все встрѣчаю, все пріемлю,
Радъ и счастливъ душу вынуть.
Я пришелъ на эту землю,
Чтобъ скорѣй ее покинуть.

1916.

* *
*

Буду пѣть, буду пѣть, буду пѣть.
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чемъ скорбѣть,
Значитъ можно чему улыбаться.

Всѣ мы яблоко радости носимъ,
И разбойный намъ близокъ свистъ.
Срѣжетъ мудрый садовникъ осень
Головы моей желтый листъ.

Въ садъ зари лишь одна стезя,
Сгложетъ рощи октябрьскій вѣтръ.
Все познать, ничего не взять
Пришелъ въ этотъ міръ поэтъ.

Онъ пришелъ цѣловать коровъ,
Слушать сердцемъ овсяной хрустъ.
Глубже, глубже, серпы стиховъ!
Сыпь черемухой, солнце кустъ!

1920.

ПѢСНЬ О СОБАКѢ

Утромъ въ ржаномъ закутѣ,
Гдѣ златятся рогожи въ рядъ,
Семерыхъ ощенила сука,
Рыжихъ семерыхъ щенятъ.

До вечера она ихъ ласкала,
Причесывая языкомъ,
И струился снѣжокъ подталый
Подъ теплымъ ея животомъ.

А вечеромъ, когда куры
Обсиживаютъ шестокъ,
Вышелъ хозяинъ хмурый,
Семерыхъ всѣхъ поклалъ въ мѣшокъ.

По сугробамъ она бѣжала,
Поспѣвая за нимъ бѣжать,
И такъ долго, долго дрожала
Воды не замерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая потъ съ боковъ,
Показался ей мѣсяцъ надъ хатой
Однимъ изъ ея щенковъ.

Въ синюю высь звонко
Глядѣла она скуля,
А мѣсяцъ скользилъ, тонкій,
И скрылся за холмъ въ поля.

И глухо, какъ отъ подачки,
Когда бросятъ ей камень въ смѣхъ,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звѣздами въ снѣгъ.

1920.

* *
*

Я послѣдній поэтъ деревни,
Скроменъ въ пѣсняхъ досчатый мостъ.
За прощальной стою обѣдней
Кадящихъ листвой березъ.

Догоритъ золотистымъ пламенемъ
Изъ тѣлеснаго воска свѣча,
И луны часы деревянные
Прохрипятъ мой двѣнадцатый часъ.

На тропу голубого поля
Скоро выйдетъ желѣзный гость.
Злакъ овсяный, зарею пролитый,
Соберетъ его черная горсть.

Не живыя, чужія ладони,
Этимъ пѣснямъ при васъ не житъ!
Только будутъ колосья — кони
О хозяинѣ старомъ тужить.

Будетъ вѣтеръ сосать ихъ ржанье,
Панихидный справляя плясъ.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипитъ мой двѣнадцатый часъ.

1920.

ОТРЫВОКЪ

Видѣли ли вы,
Какъ бѣжитъ по степямъ
Въ туманахъ озерныхъ кроясь,
Желѣзной ноздрей храпя,
На лапахъ чугунный поѣздъ?

А за нимъ
По большой травѣ,
Какъ на праздникѣ отчаянныхъ гонокъ,
Тонкія ноги закидывая къ головѣ,
Скачетъ красногривый жеребенокъ?

Милый, милый, смѣшной дуралей,
Ну куда онъ, куда онъ гонится?
Неужель онъ не знаетъ, что живыхъ коней
Побѣдила стальная конница?
Неужель онъ не знаетъ, что въ поляхъ безсіянныхъ
Той поры не вернетъ его бѣгъ,
Когда пару красивыхъ степныхъ россіянокъ
Отдавалъ за коня печенѣгъ?
По иному судьба на торгахъ перекрасила
Нашъ разбуженный скрежетомъ плесъ,
И за тысчи пудовъ конской кожи и мяса
Покупаютъ теперь паровозъ.

1920.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВИЧЪ ИВАНОВЪ

Въ восемнадцатомъ году черной ночью, проходя по пустыннымъ улицамъ Москвы, слушая выстрѣлы и плачъ вѣтра, любилъ я глядѣть на одно высокое окно. Ревнивымъ свѣтлымъ глазомъ смотрѣло оно въ ночь, непогасимый маякъ среди буревой мглы. Я зналъ, тамъ наверху, надъ грудой очень древнихъ и очень мудрыхъ книгъ бодрствуетъ сторожъ маяка, одинъ изъ немногихъ, тотъ, что не уходитъ. Сидитъ умный и ученый, въ старомодномъ костюмѣ, съ золотыми очками. И еще я зналъ, что можетъ онъ, встрѣтившись съ вражьей мыслью, забѣгать по кабинету негодуя, или, попавъ на строку стиха, заплакать слезами умиленья отъ нестерпимой красоты, что не изсякло масло въ его свѣтильникѣ, и ярче прежняго горитъ несытое сердце.

Вячеславъ Ивановъ любитъ православный бытъ и степенный благообразный свѣтъ прихода. Но на сей счетъ обманываться не слѣдуетъ и опасно задремать на пригрѣтой осеннимъ солнцемъ паперти. Близокъ жадный огонь, и когда пламя лизнетъ деревянную

ограду, Вячеславъ Ивановъ выйдетъ не съ ведромъ воды, но съ гимномъ очищающему огню. Ибо сердце его смольный факелъ, который, чтобы разжечь, ткнули въ сухую землю. Какъ пронесъ онъ его черезъ вѣка и страны, отъ зеленаго луга и бѣлаго храма, по подземельямъ средневѣковья, по остуженнымъ электрическими люстрами заламъ современности, въ маленькую комнату на Зубовскомъ бульварѣ?

Кто опредѣлитъ возрастъ, происхожденіе, занятія этого таинственнаго человѣка? Діонисовъ жрецъ, которому пришелся слишкомъ впору чопорный сюртукъ нѣмецкаго философа? Молоденькій музыкантъ или лютеранскій пасторъ? Старикъ съ отроческибезусымъ лицомъ или сѣдовласый юноша?

Да, конечно, Вячеславъ Ивановъ, какъ горлица чистъ, младенческой пасхальной бѣлизной, но онъ и мудръ, какъ змѣя, а я никогда не понималъ, почему христіанину пристойна эта змѣиная мудрость. Жало, интимное общеніе съ сатаной, сладкія слова и соблазненные за оградой рая — все это болѣе похоже на грѣхъ, чѣмъ на добродѣтель. Вячеславъ Ивановъ — христіанинъ, благость въ его глазахъ и въ стихахъ елей. Конечно, онъ кувыркался въ священной оргіи на полянахъ вдохновенія, но вѣдь были же крещеные фавны. Надо оставить апостола Павла и костры Мадрида; развѣ не цвѣли вокругъ бѣлыхъ стѣнъ Ассизи золотые, солнечные цвѣты? Я постигаю, что въ кабинетѣ на Зубовскомъ, тѣсномъ и маленькомъ, помѣщается капище Діониса и уютная церковка съ луковками. Но я боюсь жала змѣи, мудрости, которой не вмѣщаетъ человѣческое сердце. Вячеславъ Ива-

новъ дѣвственъ и юнъ, но змѣиная мудрость при жизни ненужная роскошь, она умѣстна лишь на смертномъ ложѣ, между завѣщаніемъ и послѣднимъ хрипомъ. Когда въ наши дни смерти и рожденія этотъ мудрецъ сказалъ о врагахъ, похожихъ другъ на друга, какъ двойники, его просто не услышали. А услыхавъ, усомнились бы: что это? — голосъ изъ партера наблюдательнаго зрителя или крикъ юродиваго? Ибо, какъ сказано, есть вѣка, когда только безумье является мудростью.

Зѣваки, случайно забредшіе въ храмъ поэзіи, корили Вячеслава Иванова за то, что онъ служитъ свою литургію на древнемъ діалектѣ. Но мы знаемъ, какъ ужасно Евангеліе на русскомъ или французскомъ языкахъ, какъ жалокъ священникъ въ пиджакѣ. Вся лѣпота и все торжество богослуженій въ стихахъ Вячеслава Иванова — тяжелыя, фіолетовыя облаченія, причудливый дымъ ладана и стоголосый перезвонъ колоколовъ, въ сплавѣ которыхъ щедрое золото.

Прекрасны всѣ извороты рѣчи: языкъ будней и языкъ литургіи. Поплывемъ же на сей разъ вверхъ, противъ теченія, къ истокамъ слова, отъ Маяковскаго къ «размышленіямъ» и одамъ Ломоносова. Тамъ, не замутнена пришлыми ручьями галлицизмовъ, ясна и свѣтла вода и еще дальше уйдемъ подъ землю, гдѣ таятся невспыхнувшіе ключи корней непроросшаго слова. Пренебрегая широкими вратами, туда ушелъ Вячеславъ Ивановъ и принесъ несмѣтныя богатства, одаривъ насъ словами необычайными и высокими, трижды заслуживъ тяжелый, какъ пор-

фиръ, титулъ «Вячеслава Великолѣпнаго». Когда Вячеславъ Ивановъ читаетъ стихи, кажется будто онъ импровизируетъ. Дѣвственное волненіе, слова, произносимыя какъ бы впервые, не декламація, но признанье, преодолѣвшее стыдливость сердца и косность языка. Можно не понимать, но нельзя не вѣрить. Онъ очень сложенъ, а у насъ у всѣхъ руки Ѳомы. Что если усомниться — хорошо ли усвоила змѣя христіанскія заповѣди, мирно ли живетъ она съ невинной горлицей? Но Вячеславъ Ивановъ побѣдилъ наши сомнѣнія — не восторгомъ вѣры, не мудростью, нѣтъ — простой любовью. Какой великій конецъ! Поэтъ среди огня и смерти, не дорожитъ своими богатствами, нѣтъ, онъ скидываетъ ризы, и мы всѣ видимъ, что не въ торжественности, не въ сложности его сила, а въ томъ послѣднемъ, что скинуть или потерять нельзя. Новымъ свѣтомъ горитъ занесенное снѣгомъ одинокое окно. Оно говоритъ не о празднествахъ Діониса, не о каменной розѣ, но о скорби снѣговъ, объ общемъ сиротствѣ людей, о любви нѣжной Агни, о милой, человѣческой, всѣмъ внятной могилѣ. Онъ пришелъ къ намъ жрецомъ поэтовъ, онъ уйдетъ отъ насъ поэтомъ людей.

1920.

ПОГОСТЪ

Погостъ вечерѣетъ;
Тяжеле и ржавѣй
Уборъ кипарисный;
Побѣднѣй кресты.
Во мглѣ темнолистной
Отъ холмныхъ возглавій
Прозрачное рѣетъ,
И дышутъ цвѣты.

Сижу у порога
Искавшихъ, обрѣтшихъ,
И вѣтеръ ласкаетъ
Мнѣ пряди сѣдинъ.
Вошелъ, отдыхаетъ,
Изъ вмѣстѣ пришедшихъ
Въ угодія Бога
Пришлецъ не одинъ.

Изъ сердца такъ просто
Все милое взято . . .
За мною незримо
Бѣлѣетъ порогъ . . .
Тропинкою мимо,
Со свѣчкой, съ лопатой,
Садовникъ погоста —
Скитается Богъ.

ГИМНЫ ЭРОСУ

I.

Отъ кликовъ ночью лунной
Оленьяго самца
До арфы тихострунной
Унылаго пѣвца,
Заклятіемъ кольца
Изъ-подъ плиты чугунной
На краткое мгновенье
Зовущаго видѣнье
Невѣстина Лица, —

Отъ соловьиныхъ чаръ
Надъ розой Суристана
И голубиныхъ паръ
Гурлящихъ у фонтана,
И вздоховъ океана
До скрипокъ и фанфаръ,
Замкнувшихъ стонъ міровъ
Въ одинъ предсмертный зовъ
Изольды и Тристана, —

Томленья всѣхъ скитальцевъ
По цѣли всѣхъ дорогъ,
Ты, Эросъ, другъ страдальцевъ,
Палачъ и Мистатогъ,

Голодныхъ алчный богъ,
Пчелиной зыбью пальцевъ
У струй, звенящихъ въ зноѣ,
Сливаешь въ гимнъ, живое
Манящій за порогъ.

Тобой, пронзенный, вникъ
Я въ звонъ златого лука,
И понялъ ученикъ,
Что золото — разлука,
Что Смерть — Любви порука,
Что Смерть — Любви двойникъ.
Что для души земной
Онѣ — судьбы одной
Два имени, два звука.

III.

Тебѣ хвала, въ чьихъ львиныхъ лапахъ
Я ланью былъ, сердецъ Молохъ,
Богъ — тѣнь, богъ — тать, богъ — взоръ, богъ — запахъ,
Зовъ неотступный, смутный вздохъ!

Богъ нѣжный вихрь . . . и безнадежность!
Богъ — преступленье . . . и вѣнецъ!
Богъ — волнъ пылающихъ безбрежность!
Богъ — смертный ужасъ! Богъ — конецъ!

И за концомъ — заря начала!
За смертью — побѣдившій смерть! . .
Златая вѣтвь плоды качала —
Ты руку мнѣ велѣлъ простерть!

Ты далъ мнѣ пѣсенную силу,
Ты далъ мнѣ грозы вешнихъ чаръ,
Ты далъ мнѣ милую могилу,
Ты далъ мнѣ замогильный даръ.

Ты растопилъ мои металлы,
И промѣнялъ я свой алмазъ
На слезъ прозрачные кристаллы
И на два солнца дальнихъ глазъ.

ЗИМНІЕ СОНЕТЫ

VI.

Зима души . . . Косымъ издалека
Ее лучемъ живое солнце грѣетъ;
Она жъ въ нѣмыхъ сугробахъ цѣпенѣетъ,
И ей поетъ мятелицей тоска.

Охапку дровъ сваливъ у камелька,
Вари пшено, — и часъ тебѣ довлѣетъ.
Ахъ, вѣчности могила глубока!
Потомъ усни, какъ все дремой коснѣетъ

Оледенѣлъ ключъ влаги животворной,
Застылъ родникъ текучаго огня . . .
О, не ищи подъ саваномъ — меня!

Свой гробъ влачитъ двойникъ мой, рабъ покорный..
Я жъ истинный, плотскому измѣня,
Творю вдали свой храмъ нерукотворный.

X.

Бездомныхъ, Боже, пріюти! Нора
Потребна земнороднымъ, и берлога
Глубокая. Въ тепло глухого лога
И звѣря гонитъ зимняя пора.

Не гордыхъ силъ свободная игра, —
За огонекъ востепленный тревога
Въ себѣ и въ миломъ ближнемъ, — столь убога
Жизнь и любовь... Но все душа бодра.

Согрѣто тѣло пламенемъ крылатымъ,
Руномъ одѣто мягкимъ и мохнатымъ, —
Въ звѣриномъ ликѣ веселъ человѣкъ:

Скользитъ на лыжахъ, правитъ бѣгъ оленій...
Кто высѣкъ искру, тотъ себя разсѣкъ
На плоть и духъ — два міра вожделѣній.

ОСИПЪ ЭМИЛІЕВИЧЪ МАНДЕЛЬШТАМЪ

«Мандельштамъ» — какъ торжественно звучитъ органъ въ величественныхъ нефахъ собора. «Мандельштамъ? ахъ, не смѣшите меня», и ручейками бѣгутъ веселые разсказы. Не то герой Рабле, не то современный бурсакъ, не то Франсуа Вильонъ, не то анекдотъ въ вагонѣ. «Вы о комъ?» — «Конечно о поэтѣ «Камня». «А вы» — «Я объ Осипѣ Эмиліевичѣ». Нѣкоторое недоразумѣніе. Но развѣ обязательно сходство художника съ его картинами? Развѣ не былъ Тютчевъ «пѣвецъ хаоса» аккуратнымъ дипломатомъ и развѣ стыдливый Батюшковъ не превзошелъ въ фривольности Парни? Что если никакъ, даже съ натяжкой, нельзя доказать общность носа поэта и его пэоновъ?

Мандельштамъ очаровательно легкомысленъ, такъ что не онъ отступаетъ отъ мысли, но мысль бѣжитъ отъ него. А вѣдь «Камень» грѣшитъ многодумностью, давитъ грузомъ, я сказалъ бы германскаго ума. Мандельштамъ суетливъ, онъ не можетъ говорить о чемъ либо болѣе трехъ минутъ, онъ си-

дитъ на кончикѣ стула, все время готовый убѣжать куда-то, какъ паровозъ подъ парами. Но стихи его незыблемы, въ нихъ та красота, которой, по словамъ Бодлера, претитъ малѣйшее движеніе.

Вы помните «пока не требуетъ поэта» . . . ? Мандельштамъ бродитъ по свѣту, ходитъ по редакціямъ, изучаетъ кафэ и рестораны. Если вѣрить Пушкину, его душа «вкушаетъ хладный сонъ». Потомъ, — это бываетъ очень рѣдко, а посему и торжественно, — разрѣшается новымъ стихотвореніемъ. Взволнованный, какъ будто самъ удивленный совершившимся, онъ читаетъ его всѣмъ и всякому. Потомъ снова бѣгаетъ и суетится.

Щуплый, маленькій, съ закинутой назадъ головкой, на которой волосы встаютъ хохолкомъ, онъ важно запѣваетъ баскомъ свои торжественные оды, похожій на молоденькаго пѣтушка, но безусловно того, что пѣлъ не на птичьемъ дворѣ, а у стѣнъ Акрополя. Легко понять то, чего, собственно говоря, и понимать не требуется, портретъ, въ которомъ все цѣльно и гармонично. Но теперь попытайтесь разгадать языкъ контрастовъ.

Мы презираемъ, привыкли съ дѣтства презирать поэзію дифирамбовъ. Слава Богу, Пушкинъ разъ навсегда покончилъ съ ложно-классическимъ стилемъ. Такъ насъ учили въ гимназіи, а кто потомъ пересматривалъ каноны учителя словесности? Насъ соблазняютъ уличная ругань или будуарный шопотъ, Маяковскій и Ахматова. Но мнѣ кажется, что явились бы величайшей революціонной вентиляціей постановка трагедіи Расина въ залѣ парижской биржи,

или декламація предъ поклоннищей Игоря Сѣверянина, нюхающей кокаинъ, «Размышленій» Ломоносова. Девятнадцатый вѣкъ — позеръ и болтунъ — смертельно боялся показаться смѣшнымъ, тщась быть героемъ. Онъ создалъ актеровъ безъ шпаги, безъ румянъ, даже безъ огней рампы. Иронія убивала пафосъ. Но у насъ уже, какъ никакъ, двадцатые годы двадцатаго вѣка, и, возможно, что патетичность Мандельштама гораздо современнѣе остроумнаго снобизма Бурлюка. Великолѣпенъ жестъ, которымъ онъ переноситъ въ пріемные редакцій далеко не портативную бутафорію героическихъ временъ. Прекрасенъ въ жужжаніи каблограммъ, въ трескѣ практичныхъ сокращеній державный языкъ оды.

Мандельштамъ слишкомъ будниченъ, чтобы позволить себѣ роскошь говорить въ поэзіи обыкновеннымъ языкомъ. Онъ съ нами живетъ понятный и доступный, но, какъ беременная женщина, смотритъ не на міръ, а въ себя. Тамъ, въ поэтовой утробѣ мѣсяцами зрѣетъ благолѣпное и напыщенное слово, которое отдѣлитъ его отъ прочихъ смертныхъ и позволитъ съ нимъ снова быть до конца. Этотъ инстинктъ самосохраненія породилъ самое изумительное, противорѣчивое, прекрасное зрѣлище. Поэты встрѣтили русскую революцію буйными вскриками, кликушескими слезами, плачемъ, восторженнымъ бѣснованіемъ, проклятьями. Но Мандельштамъ, — бѣдный Мандельштамъ, который никогда не пьетъ сырой воды, и, проходя мимо участка-комиссаріата, переходитъ на другую сторону, — одинъ понялъ пафосъ событій.

Мужи голосили, а маленькій хлопотунъ петербургскихъ и другихъ кофеенъ, постигнувъ масштабъ происходящаго, величіе исторіи творимой, послѣ Баха и готики, прославилъ безумье современности: «ну чтожъ! попробуемъ огромный, неуклюжій, скрипучій поворотъ руля!».

1920.

ОСИПЪ МАНДЕЛЬШТАМЪ

Образъ твой, мучительный и зыбкій,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
«Господи!» сказалъ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

Божье имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди.
Впереди густой туманъ клубится
И пустая клѣтка позади.

* *
*

Я не слыхалъ разсказовъ Оссіана,
Не пробовалъ стариннаго вина,
Зачѣмъ же мнѣ мерещится поляна,
Шотландіи кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мнѣ чудится въ зловѣщей тишинѣ,
И вѣтромъ развѣваемые шарфы
Дружинниковъ мелькаютъ при лунѣ.

Я получилъ блаженное наслѣдство —
Чужихъ пѣвцовъ блуждающіе сны;
Свое родство и скучное сосѣдство
Мы презирать завѣдомо вольны.

И не одно сокровище, быть можетъ,
Минуя внуковъ, къ правнукамъ уйдетъ,
И снова скальдъ чужую пѣсню сложитъ
И, какъ свою, ее произнесетъ.

1914.

* *
*

Имѣю тѣло, что мнѣ дѣлать съ нимъ.
Такимъ единымъ и такимъ моимъ?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мнѣ благодарить?

Я и садовникъ, я же и цвѣтокъ,
Въ темницѣ міра я не одинокъ.
На стекла вѣчности уже легло
Мое дыханіе, мое тепло.

Запечатлѣется на немъ узоръ,
Неузнаваемый съ недавнихъ поръ.
Пока мгновенія стекаетъ муть,
Узора милаго не зачеркнуть.

TRISTIA

1.

Я изучилъ науку разставанья
Въ простоволосыхъ жалобахъ ночныхъ.
Жуютъ волы, и длится ожиданье,
Послѣдній часъ вигилій городскихъ,
И чту обрядъ той пѣтушиной ночи,
Когда, поднявъ дорожной скорьби грузъ,
Глядѣли вдаль заплаканныя очи
И женскій плачъ мѣшался съ пѣньемъ музъ.

2.

Кто можетъ знать при словѣ — разставанье
Какая намъ разлука предстоитъ,
Что намъ сулитъ пѣтушье восклицанье,
Когда огонь въ Акрополѣ горитъ,
И на зарѣ какой-то новой жизни,
Когда въ сѣняхъ лѣниво волъ жуетъ,
Зачѣмъ пѣтухъ, глашатай новой жизни,
На городской стѣнѣ крылами бьетъ?

3.

И я люблю обыкновенье пряжи,
Снуетъ челнокъ, веретено жужжитъ,

Смотри, навстрѣчу, словно пухъ лебяжій,
Уже босая Делія летитъ.
О, нашей жизни скудная основа,
Куда какъ бѣденъ радости языкъ!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладокъ намъ лишь узнаванья мигъ.

4.

Да будетъ такъ: прозрачная фигурка
На чистомъ блюдѣ глиняномъ лежитъ,
Какъ бѣличья распластанная шкурка,
Склонясь надъ воскомъ, дѣвушка глядитъ.
Не намъ гадать о греческомъ Эребѣ,
Для женщинъ воскъ, что для мужчины мѣдь.
Намъ только въ битвахъ выпадаетъ жребій,
А имъ дано, гадая, умереть.

1918.

СУМЕРКИ СВОБОДЫ

1.

Прославимъ, братья, сумерки свободы,
Великій сумеречный годъ.
Въ кипящія ночныя воды
Опущенъ грузный лѣсъ тенетъ.
Восходишь ты въ глухіе годы,
О, солнце, судія-народъ.

2.

Прославимъ роковое бремя,
Которое въ слезахъ народный вождь беретъ.
Прославимъ власти сумрачное бремя,
Ея невыносимый гнетъ.
Въ комъ сердце есть, тотъ долженъ слышать, время,
Какъ твой корабль ко дну идетъ.

3.

Мы въ легіоны боевые
Связали ласточекъ, и вотъ
Не видно солнца, вся стихія
Щебечетъ, движется, живетъ,
Сквозь сѣти, сумерки густыя
Не видно солнца, и земля плыветъ.

4.

Ну что-жъ попробуемъ: огромный, неуклюжій,
Скрипучій поворотъ руля.
Земля плыветъ. Мужайтесь, мужи,
Когда, поднявъ дорожной скорби грузъ,
Мы будемъ помнить и въ летейской стужѣ,
Что десяти небесъ намъ стоила земля.

1918.

ВЛАДИМИРЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ МАЯКОВСКІЙ

Теперешній обликъ Маяковскаго неубѣдителенъ, онъ даже можетъ ввести въ обманъ. Пристойный, дѣловитый гражданинъ, который весьма логично, но довольно безнадежно, доказываетъ какому-то совѣтскому чиновнику, что перевертывающіе міръ вверхъ дномъ не должны пугаться плаката, весь «футуризмъ» котораго состоитъ въ отсутствіи на пиджакѣ пуговицъ. Гдѣ прежній озорникъ въ желтой кофтѣ, апашъ съ подведенными глазами, обвертывавшій шею огромнымъ кумачевымъ платкомъ? Что это — мануфактурный кризисъ или нѣчто болѣе существенное?

Конечно, весьма глупо, даже со стороны страстныхъ почитателей грозы, негодовать на первыя голубыя пятна. Есть логика во всемъ, и въ концессіяхъ, и въ образцовой тишинѣ московскихъ улицъ, и въ нелетающемъ аэропланѣ (все-же крылья имѣются — слѣдовательно аэропланъ, а не велосипедъ) и въ остепенившемся Маяковскомъ. Но чтобы тотъ-же аэропланъ уразумѣть, надо поглядѣть его, когда онъ летаетъ. Маяковскій пребываетъ въ моемъ сознаніи

бунтаремъ — немного святой Павелъ, разбивающій десятокъ-другой боговъ, немного задорный телеграфистъ, отправляющій по радіо первое, обязательно первое, революціонное воззваніе Клемансо и Лойдъ-Джоржу, немного хорошій, достаточно раздраженный быкъ въ музеѣ Севра.

Иныхъ шокировала наглость Маяковскаго, не просто наглость, но воистину великолѣпная. Нѣсколько крѣпкихъ словъ на эстрадѣ, засунутые въ жилетные карманы пальцы и ожиданіе безусловныхъ аплодисментовъ. Маяковскій не можетъ пройти по улицѣ незамѣченнымъ, ему необходимы повернутыя назадъ головы. Только на мой взглядъ ничего предосудительнаго въ этомъ нѣтъ. Реклама, какъ реклама, и кто ею не пользовался? Задолго до американскихъ фирмъ комми-вояжеры апостольскаго Рима рядились въ костюмы, неуступающіе желтой кофтѣ и третировали своихъ кліентовъ почище футуристовъ.

Реклама для Маяковскаго отнюдь не прихоть, но крайняя необходимость. Чтобъ стихи его дошли до одного, они должны дойти до тысячъ и тысячъ. Это не тщеславіе, а особенности поэтическаго организма. Можно ли корить отмѣнно хорошій автомобиль «Фордъ» за то, что онъ никакъ не помѣщается на полочкѣ рядомъ съ китайскими болванчиками? Когда стихи Ахматовой читаешь вслухъ, не то что въ огромномъ залѣ, даже въ тѣсной спаленкѣ — это почти оскорбленіе, ихъ надобно не говорить, но шептать. А «камерный Маяковскій» это явная безсмыслица. Его стихи надо ревѣть, трубить, изрыгать на площадяхъ. Поэтому тиражъ для Маяковскаго

вопросъ существованія. Съ величайшей настойчивостью, находчивостью, остроуміемъ онъ расширяетъ тѣсную базу современной русской поэзіи. Его стихи готовы стать частушками, поговорками, злободневными остротами, новымъ народнымъ плачемъ и улюлюканьемъ.

Голосъ у Маяковскаго необычайной силы. Онъ умѣетъ слова произносить такъ, что они падаютъ, какъ камни, пущенные изъ пращи. Его рѣчь монументальна. Его сила — въ силѣ. Его образы, — пусть порой невзыскательные — какъ-то физически больше обычныхъ. Иногда Маяковскій старается еще усилить это впечатлѣніе наивнымъ пріемомъ — арифметикой. Онъ очень любитъ говорить о тысячахъ тысячъ и милліонахъ милліоновъ. Но наивности у Маяковскаго сколько угодно. Оглянитесь на эти неожиданно выскакивающія въ стихахъ имена Галифэ, Бяликовъ, Тальони, Гофмановъ, прочихъ и вы вспомните бѣдненькаго сенегальца передъ витринами rue de la Paix.

Вмѣстѣ съ силой — здоровье. Какъ вамъ извѣстно въ поэтическомъ обществѣ здоровье вещь предосудительная, и Маяковскій долго скрывалъ его, пользуя для этого и лорнетку пудренаго Бурлюка и подлинное безуміе Хлѣбникова. Наивныя дѣвушки вѣрили и почитали Маяковскаго поэтомъ «изломаннымъ, больнымъ, страдающимъ». Но достаточно было и тогда взглянуть, какъ онъ играетъ на билліардѣ, послушать, какъ онъ оретъ на спекулянта-посѣтителя «кафэ футуристовъ», прочесть «Облако въ штанахъ» — это изумительное прославленіе плотской любви,

«Мистерію-Буффъ» — этотъ неистовый гимнъ взалкавшему чреву, чтобы удивиться, какъ могъ вырости на петербургской землѣ, гнилой и тряской, такой прямой, крѣпкій, ядреный дубъ. Послѣ революціи, когда безуміе стало повседневностью, Маяковскій разгримировался, оставилъ въ покоѣ «предсѣдателя земного шара» Хлѣбникова и показался въ новомъ видѣ. Глаза толпы ослѣпили его разсудочность и страсть къ логикѣ. Но вѣдь его пророчества о концѣ міра всегда напоминали бюллетени метеорологической станціи. Желтая кофта болталась, выдавая не плоть, но позвонки скелета, четкія математическія формулы. Бунтарь? безумецъ? да! но еще—улучшенное изданіе Брюсова. А впрочемъ, не это ли современный бунтъ? Пожалуй, міръ легче взорвать цифрами, нежели истошными воплями.

Въ вагонѣ, прислушиваясь къ грохоту колесъ, можно подобрать подъ него различныя строки различныхъ размѣровъ, но ритмъ отъ этого не станетъ менѣе однообразнымъ. Пріемами декламаціи, даже внѣшнимъ видомъ — чуть ли не каждое слово съ новой строки — тщится Маяковскій скрыть однозвучность своего ритма. Онъ пробуетъ разсѣять ухо остроумными звукоподражаніями, акробатическими составными рифмами (ну, чѣмъ не Брюсовъ?) и прочими фокусами, но все же слышатся одни, конечно перворазрядные, барабаны.

Зато яркость видѣній Маяковскаго разительна. Это не сіяющіе холсты венеціанцевъ, но грандіозные барельефы съ грубыми, высѣченными изъ коснаго камня, тѣлами варваровъ и героевъ. Да и самъ онъ

долговязый, со взглядомъ охотника на мамонтовъ, съ тяжелой вислой челюстью — варваръ и герой нашей эпопеи. Въ дни величайшихъ катастрофъ, сдвиговъ, перестановокъ міровой мебели, онъ, и, быть можетъ только онъ, не испугался, не растерялся, даже не мудрствовалъ. Увидавъ не «двѣнадцать», но, конечно, по меньшей мѣрѣ двѣнадцать милліоновъ, онъ оставилъ въ покоѣ Христа, собираніе Руси, профессора Штейнера и прочія, для многихъ «смягчающія вину обстоятельства». Онъ здоровъ, силенъ и молодъ, любитъ таблицу умноженія и солнце (не «свѣтило», но просто). Выйдя навстрѣчу толпѣ, онъ гаркнулъ простое, понятное: «хлѣбище дайте жрать ржаной!» «Дайте жить съ живой женой!» Крикъ животнаго отчаянья и высокой надежды. Здѣсь кончается бытъ и начинается эпосъ.

1920.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ВОЙНЫ И МІРА»

Не поймешь
это воздухъ,
цвѣтокъ ли,
птица ль.
И поетъ
и благоухаетъ,
и пестрое сразу,
но отъ этого
костромъ разгораются лица,
и сладчайшимъ виномъ пьянѣетъ разумъ.

И не только люди
радость личью
расцвѣтили.
Звѣри франтовато завили руно,
вчера бушевавшія
моря,
мурлыча,
легли у ногъ.
Не повѣришь,
что плыли
смерть изрыгавъ они.
Въ трюмахъ,
навѣкъ забывшихъ о порохѣ,
броненосцы
провозятъ въ тихія гавани
всякаго вздора яркіе ворохи.

Кому же страшны пушекъ шайки,
эти,
кроткіе,
рвутъ?
Онѣ
передъ домомъ
на лужайкѣ,
мирно щиплютъ траву.

Смотрите,
не шутка,
не смѣхъ сатиры
Среди бѣла дня,
Тихо,
по-парно,
цари задиры
гуляютъ подъ присмотромъ нянь.

Земля
откуда любовь такая намъ?
Представь —
тамъ
подъ деревомъ
видѣли
съ Каиномъ
играющаго въ шашки Христа.

Не видишь,
прищурилась, ищешь?
Глазенки, щелки двѣ.
Шире!
Смотри,
мои глазища
всѣмъ открытая собора дверь.

Люди
любимые,
нелюбимые,
знакомые,
незнакомые
широкимъ шествіемъ излейтесь въ двери тѣ.
И онъ
свободный,
ору о комъ я,
человѣкъ
придетъ онъ,
вѣрьте мнѣ
вѣрьте!

ПРОЛОГЪ КЪ «МИСТЕРІИ-БУФФУ»

Семь нечистыхъ паръ.

Это объ насъ взывала земля голосомъ пушечнаго [рева.
Это нами взбухали поля кровями опоены.
Стоимъ
исторгнутые земного чрева
кесаревымъ сѣченіемъ войны.
Славимъ
возстаній,
бунтовъ,
революцій день —
тебя,
идущій черепа мозжа.
Нашего второго рожденія день —
міръ возмужалъ.
Бываетъ —
станетъ пароходъ вдалекѣ
надымитъ
и уйдетъ по зеркальности водной.
И долго дымными дышешь легендами —
такъ жизнь ускользала отъ насъ до сегодня.
Намъ написали Евангеліе,
Коранъ,
Потерянный и возвращенный Рай,
и еще
и еще
многое множество книжекъ —
каждая радость загробную сулитъ умна и хитра.

Здѣсь
на землѣ хотимъ
не выше жить
и не ниже
всѣхъ этихъ елей, домовъ, деревъ, лошадей и травъ.
Намъ надоѣли небесныя сласти, —
хлѣбище дайте жрать ржаной!
Намъ надоѣли бумажныя страсти —
дайте жить съ живой женой!
Тамъ —
въ гардеробахъ театровъ
блестки оперныхъ этуалей
да плащъ мефистофельскій —
все что есть тамъ!
Старый портной не для нашихъ старался талій.
Что-жъ
неуклюжая пусть
Одежа —
да наша!
Намъ мѣсто!
Сегодня
надъ пылью театровъ
нашъ загорится девизъ —
«все заново!»
Стой и дивись —
Занавѣсъ!

1919.

ПРИКАЗЪ ПО АРМІИ ИСКУССТВА

Канителятъ стариковъ бригады
Канитель одну и ту жъ.
Товарищи!
На баррикады!
Баррикады сердецъ и душъ.
Только тотъ коммунистъ — истый,
кто мосты къ отступленію сжегъ.
Довольно шагать, футуристы,
въ будущее прыжокъ!
Паровозъ построить мало —
накрутилъ колесъ и утекъ.
Если пѣснь не громитъ вокзала,
то къ чему перемѣнный токъ!
Громоздите за звукомъ звукъ вы
и впередъ
поя и свища.
Есть еще хорошія буквы:
Эръ.
Ша.
Ща.
Это мало построить парами,
распушить по штанинѣ канты.

Всѣ совдепы не сдвинутъ армій,
если маршъ не дадутъ музыканты.
На улицу тащите рояли.
Барабанъ изъ окна багромъ.
Барабанъ,
рояль раскроя ли,
но чтобъ грохотъ былъ,
чтобъ громъ.
Это что — корпѣть на заводахъ,
перемазать рожу въ копоть,
и на роскошь чужую
въ отдыхъ
осовѣлыми глазками хлопать.
Довольно грошевыхъ истинъ.
Изъ сердца старое вытри.
Улицы наши кисти.
Площади наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революціи дни не воспѣты.
На улицу, футуристы,
барабанщики и поэты.

1918.

НАШЪ МАРШЪ

Бейте въ площади бунтовъ топотъ!
Выше гордыхъ головъ гряда!
Мы разливомъ второго потопа
Перемоемъ міровъ города.

Дней быкъ пѣгъ.
Медленна лѣтъ арба.
Нашъ богъ — бѣгъ.
Сердце нашъ барабанъ.

Есть ли нашихъ золотъ небеснѣй?
Насъ ли сжалитъ пуля-оса?
Наше оружіе — наши пѣсни.
Наше золото — звенящіе голоса.

Зеленью лягъ лугъ.
Выстели дно днямъ.
Радуга дай дугъ,
Летъ быстролетнымъ конямъ

Видите скушно звѣздъ небу!
Безъ него наши пѣсни вьемъ.
Эй, Большая Медвѣдица! требуй
Чтобъ на небо насъ взяли живьемъ!

Радости пей! Пой!
Въ жилахъ весна разлита
Сердце бей бой!
Грудь наша мѣдь литавръ.

1918.

БОРИСЪ ЛЕОНИДОВИЧЪ ПАСТЕРНАКЪ

28 декабря 20 года, въ городѣ Москвѣ, подъ вечеръ въ мою комнату вошелъ поэтъ. Въ сумеркахъ я не могъ ясно разглядѣть его лица. Были очевидны лишь смуглая чернота и большіе печальные глаза. Онъ былъ обмотанъ широкимъ шарфомъ. Меня поразили застѣнчивость и вызовъ, обидчивость внѣшняго самолюбія и безконечная стыдливость всѣхъ внутреннихъ жестовъ. Послѣ долгихъ и мучительныхъ вступленій онъ началъ читать стихи объ исхлестанныхъ крыльяхъ Демона. Тогда я понялъ, кто пришелъ ко мнѣ. Да, 28-го декабря въ 5 часовъ вечера, прочитавъ номеръ «Извѣстій», я бесѣдовалъ съ М. Ю. Лермонтовымъ, и все это отнюдь не теософскіе petits Laits, а просто отчетъ объ очередной встрѣчѣ съ Б. Л. Пастернакомъ, самымъ любимымъ изъ всѣхъ моихъ братьевъ по ремеслу.

Итакъ, портретъ начинается съ генеологіи. Это, конечно, не наслѣдственность недуга, но живучесть опредѣленнаго строя чувствъ, который, погребенный могильщиками - просто и историками словесности,

вновь воскресаетъ въ моменты самые неожиданные. Станетъ ли кто-нибудь послѣ Пастернака утверждать, что романтизмъ это лишь литературная школа? Правда, очень легко соблазниться историческими параллелями, глагольствовать о порожденіи послѣреволюціоннаго періода и прочее, но это приличествуетъ лишь критикамъ изъ, слава Богу, вымершихъ «толстыхъ» журналовъ. Построенье міра иного съ необычайными сочетаньями обычныхъ формъ, съ отчаяньемъ пропорцій и съ сумасбродствомъ масштабовъ, является вѣчной потребностью человѣка.

При всей традиціонности подобныхъ занятій Пастернакъ не архаиченъ, не ретроспективенъ, но живъ, здоровъ, молодъ и современенъ. Ни одно изъ его стихотвореній не могло быть написано до него. Въ немъ восторгъ удивленья, нагроможденье новыхъ чувствъ, сила первичности, словомъ, міръ послѣ потопа или послѣ недѣли, проведенной въ погребѣ защищенномъ отъ снарядовъ. Для того, чтобы передать эту новизну ощущеній, онъ занялся не изобрѣтеніемъ словъ, но ихъ разстановкой. Магія Пастернака въ его синтаксисѣ. Одно изъ его стихотвореній называется «Уралъ впервые», всѣ его книги могутъ быть названы: «Міръ впервые», являясь громаднымъ восклицательнымъ «о!», которое прекраснѣе и убѣдительнѣе всѣхъ дифирамбовъ.

Говорить съ Пастернакомъ трудно. Его рѣчь сочетаніе косноязычія, отчаянныхъ потугъ вытянуть изъ нутра необходимое слово и бурнаго водопада неожиданныхъ сравненій, сложныхъ ассоціацій, откровенностей на явно чужомъ языкѣ. Онъ былъ бы не-

понятенъ, еслибъ весь этотъ хаосъ не озарялся бы единствомъ и ясностью голоса. Такъ его стихи, порой іероглифическіе, доходятъ до антологической простоты, до дѣтской наивной повѣсти о веснѣ. Конечно, Бунинъ понятнѣе, и легче добывать огонь съ помощью шведскихъ спичекъ, нежели изъ камня. Но сердца зажигаются искрами кремня, спичками же лишь папиросы.

Ритмъ Пастернака — ритмъ нашихъ дней, онъ неистовъ и дикъ въ своей быстротѣ. Кто могъ думать, что эти добрые ямбы съ тяжелыми крупами могутъ скакать поверхъ барьеровъ, какъ арабскіе скакуны?

Я даже не понимаю, какъ, пролетая съ такой быстротой въ экспрессахъ, можно успѣвать различить всѣ цвѣты полянъ, пофилософствовать, любить обстоятельно и нѣжно, какъ любили въ «доброе старое время».

Поразительна эта, очевидно, естественная въ романтическихъ полушаріяхъ, связь между титаническими воспріятіями и микроскопическими предметами. Декорація для любви, классикамъ неуступающей, совсѣмъ не классическая — масла лужъ, сѣмечки, обои въ каморкѣ для скромныхъ жильцовъ и неподстриженный парикмахеромъ чубъ самого Пастернака. Но всѣ эти убогія детали превращаются имъ въ дѣйствительно священные предметы новой миѳологіи.

Себя Пастернакъ, разумѣется, въ небожителя не претворилъ и подверженъ различнымъ человѣческимъ заболѣваніямъ. Къ счастью для него и русской поэзіи, подъ рукой быстрыя и хорошія лѣкарства.

Онъ честно переболѣлъ дѣтской корью, которая въ данномъ случаѣ называлась «центрифугой».

Онъ могъ бы легко впасть въ сентиментальность Ленау, но его спасаетъ, какъ нѣкогда Гейне, значительная доза иронiи. Порой его музыкальность стиха сбивается на Игоря Сѣверянина, но выручаетъ умъ, а можетъ быть, и занятiя философiей въ Марбургскомъ университетѣ. Отъ оныхъ занятiй легко впасть въ худосочiе умствованiй, но здѣсь приходитъ на помощь лиричность чувствъ и т. д.

Я часто сомнѣваюсь въ жизнеспособности лирики. Какъ ни прекрасны стихи Ахматовой, они написаны на послѣдней страницѣ закрывающейся книги. Въ Пастернакѣ же ничего нѣтъ отъ осени, заката и прочихъ милыхъ, но неутѣшительныхъ вещей. Онъ показалъ, что лирика существуетъ и можетъ впредь существовать внѣ вопроса соцiальнаго антуража.

Можетъ быть, люди покроютъ всю землю асфальтомъ, но все-таки гдѣ-нибудь въ Исландiи или въ Патагонiи останется трещина. Прорастетъ травка и начнутся къ этому чудесному явленiю паломничества ученыхъ и влюбленныхъ. Можетъ быть, и лирику отмѣнятъ за ненужностью, но гдѣ-нибудь внукъ Пастернака и пра-правнукъ Лермонтова возьметъ и изумится, раскроетъ ротъ, воскликнетъ мучительное для него, ясное и свѣтлое для всѣхъ «о!».

1921.

* * *

Не какъ люди, не еженедѣльно.
Не всегда, въ столѣтье раза два
Я молилъ тебя: членораздѣльно
Повтори творящія слова.

И тебѣ жъ невыносимы смѣси
Откровеній и людскихъ неволь.
Какъ же хочешь ты, чтобъ я былъ веселъ,
Съ чѣмъ бы сталъ ты ѣсть земную соль?

ПАМЯТИ ДЕМОНА

Приходилъ по ночамъ
Въ синевѣ ледника отъ Тамары
Парой крылъ намѣчалъ,
Гдѣ гудѣть, гдѣ кончаться кошмару.

Не рыдалъ, не сплеталъ
Оголенныхъ, исхлестанныхъ, въ шрамахъ.
Уцѣлѣла плита
За оградой грузинскаго храма.

Какъ горбунья дурна,
Подъ рѣшеткою тѣнь не кривлялась,
У лампады зурна,
Чуть дыша, о княжнѣ не справлялась.

Но сверканье рвалось
Въ волосахъ, и, какъ фосфоръ, трещали
И не слышалъ Колоссъ,
Какъ сѣдѣетъ Кавказъ за печалью.

Отъ окна на аршинъ,
Пробирая шерстинки бурнуса,
Клялся льдами вершинъ:
Спи, подруга, лавиной вернуся.

СЛОЖА ВЕСЛА

Лодка колотится въ сонной груди,
Ивы нависли, цѣлуютъ въ ключицы,
Въ локти, въ уключины, — о, погоди.
Это вѣдь можетъ со всякимъ случиться!

Этимъ вѣдь въ пѣснѣ тѣшатся всѣ,
Это вѣдь значитъ пепелъ сиреневый,
Роскошь крошеной ромашки въ росѣ,
Губы и губы на звѣзды вымѣнивать,

Это вѣдь значитъ обнять небосводъ,
Руки сплести вкругъ Геракла громаднаго,
Это вѣдь, значитъ вѣка напролетъ
Ночи на щелканье славокъ проматывать.

ОБРАЗЕЦЪ

О бѣдный Homo sapiens
Существованье — гнетъ.
Былые годы за поясъ
Одинъ такой заткнетъ.

Всѣ жили въ сушь и впроголодь,
Въ борьбѣ ожесточась,
И никого не трогало,
Что чудо жизни — съ часъ.

Съ тѣхъ рукъ впивавши ландыши,
На тѣ глаза дыша,
Изъ ночи въ ночь валандавшись,
Гормя горитъ душа.

Одна изъ южныхъ мазанокъ
Была другихъ южнѣй,
И ползала, какъ пасынокъ,
Трава въ ногахъ у ней.

Сушился холстъ. Бросается
Еще сейчасъ къ груди
Плетень въ ночной красавицѣ,
Хоть годъ и позади.

Онъ незабвененъ тѣмъ еще,
Что пылью припухалъ,
Что вѣтеръ лускалъ сѣмечки,
Сорилъ по лопухамъ,

Что незнакомой мальвою
Велъ, какъ слѣпца, меня,
Чтобъ я тебя вымаливалъ
У каждаго плетня.

Сошелъ и сталъ окидывать
Тѣхъ новыхъ лужъ масла,
Разбѣгъ тѣхъ рощъ ракитовыхъ
Куда я письма слалъ.

Мой поѣздъ только тронулся,
Еще вокзалъ, Москва
Плясали въ кольцахъ, въ конусахъ
По насыпи, по рвамъ,

А ужъ гудѣли кобзами
Колодцы, и, пылясь,
Скрипѣли, бились объ землю
Скирды и тополя.

ИЗЪ СУЕВѢРЬЯ

Коробка съ краснымъ померанцемъ
Моя каморка.
О, не объ номера жъ мараться
По гробъ, до морга!

Я поселился здѣсь вторично
Изъ суевѣрья.
Обоевъ цвѣтъ, какъ дубъ, коричневъ,
И пѣнье двери.

Изъ рукъ не выпускалъ защелки,
Ты вырывалась,
И чубъ касался чудной чолки
И губы — фіалокъ.

О нѣженка, во имя прежнихъ,
И въ этотъ разъ твой
Нарядъ щебечетъ, какъ подснѣжникъ,
Апрѣлю: здравствуй.

Грѣхъ думать, ты не изъ весталокъ:
Вошла со стуломъ,
Какъ съ полки, жизнь мою достала,
И пыль обдула.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

Прежде, читая стихи Сологуба, я представлялъ его себѣ не то индусскимъ факиромъ, не то порченой бабой, кликушей. Увидавъ впервые, какъ будто разочаровался. Это было въ Парижѣ, Сологубъ читалъ лекцію. За столикомъ сидѣлъ почтенный пожилой господинъ, съ аккуратно подстриженой бородкой, въ пенснэ. Не спѣша, съ толкомъ, поучалъ онъ студентокъ медичекъ и юныхъ «бундистовъ»: есть Альдонса и Дульцинея. Все было весьма обыкновенно, но къ концу вечера случайно Сологубъ взглянулъ на меня и я увидалъ въ глазахъ таинственную невеселую усмѣшку. Мнѣ стало не по себѣ. О, не факиромъ показался онъ мнѣ въ ту минуту, но безпощадно взыскующимъ учителемъ гимназіи. Не приготовишка ли я? Вдругъ онъ скажетъ: «Эренбургъ Илья, а разскажите намъ, чѣмъ отличается Альдонса отъ Дульцинеи». Я буду молчать, а онъ долго и радостно потирать руками передъ тѣмъ, какъ поставить каллиграфически безукоризненную единицу. Помню другой вечеръ, зимой 20 года въ Москвѣ. Какіе-то очень рьяные и очень наивные марксисты возмущаются Со-

логубомъ — какъ? въ нашъ вѣкъ коллективизма онъ смѣетъ быть убогимъ, ничтожнымъ индивидуалистомъ? Сологубъ не споритъ, нѣтъ, онъ со всѣмъ соглашается — «конечно, конечно». Но какъ же образцовому инспектору не поучить немного этихъ вѣчныхъ второклассниковъ? И, тихо улыбаясь, Сологубъ читаетъ въ отвѣтъ маленькую лекцію о томъ, что коллективъ состоитъ изъ единицъ, а не изъ нулей. Вотъ если взять его Федора Кузьмича и еще четырехъ другихъ Федоровъ Кузьмичей получится пять, а если взять критиковъ, — то вовсе ничего не получится, ибо $0 + 0 = 0$. Отнюдь не дискуссія, просто урокъ арифметики. Только я что-то не вѣрю Федору Кузьмичу. Я боюсь, что онъ знаетъ больше простого учителя, только насъ огорчить не хочетъ.

Я слушаю и жду крохотнаго postscriptum'a: «а между прочимъ $1 + 1 =$ вовсе не два, а только ноль, и, вообще, ноль, ноль и ноль . . .».

Читаетъ стихи Сологубъ раздѣльно, медленно, степенно, будто раскладываетъ слова по маленькимъ коробочкамъ. Читаетъ одинаково колыбельныя и громкіе гимны, нѣжныя причитанія и сладострастные призывы къ бичеванію. Вотъ сейчасъ только онъ прославлялъ «отца своего Дьявола», а теперь ласкаетъ розовенькаго младенца, вѣрно, скоро будетъ привязывать дѣвье тѣло къ кольцамъ, чтобы удобнѣе было его истязать. А слова — не всѣ ли слова Божьи? — аккуратно размѣщаются по коробочкамъ, никого не обидитъ Федоръ Кузьмичъ.

Сологубъ можетъ статейку написать о плохомъ состояніи воднаго транспорта въ Россіи, напримѣръ,

честь честью. Въ какомъ-то стихотвореніи передъ истязаніемъ дѣловито онъ замѣчаетъ — нужно окна и двери запереть, «чтобы глупые сосѣди не могли насъ подсмотрѣть». На лицѣ Сологуба всегда тщательно закрыты ставни, напрасно любопытные прохожіе жаждутъ заглянуть — что тамъ внутри. Есть особнячки такіе — окна занавѣшены, двери заперты — покой, благоденствіе, только смутно чуетъ сердце что-то недоброе въ этой мирной тишинѣ.

Слова Сологуба безплотны, въ его стихахъ почти нѣтъ образовъ, лишь краткія, условныя опредѣленія, магическія формулы. Онъ особенно часто употребляетъ слова отвлеченныя. Но безплотными словами любитъ говорить о земной плоти, о землѣ, которую никто не любитъ, кромѣ него, и о дѣвичьихъ босыхъ ногахъ въ росѣ. Быть можетъ, умиляетъ его ихъ бѣлизна на оскверненной землѣ, быть можетъ, то, что онѣ, только онѣ касаются земли. А увидѣвъ пляску Айседоры, почтенный и важный господинъ не усмѣхался, но плакалъ сладчайшими слезами умиленія.

Сологубъ позналъ высшую тайну поэзіи — музыку. Не Бальмонтовскую музыкальность, но трепетъ ритма.

Вотъ почему порой по его лицу пробѣгаетъ, не усмѣшка, нѣтъ, улыбка восторга, будто онъ прислушивается къ дальнему голосу. Онъ умѣетъ шелестѣть, какъ камышъ, скулить, какъ песъ, и плакать какъ маленькій чертенокъ, у котораго прорѣзываются рожки. Еслибы въ деревнѣ его позвали вмѣсто знахаря къ бодливой коровѣ, я убѣжденъ, что онъ из-

гналъ бы нечистую силу, ибо для этого нужно не изученіе Агриппы Нестгеймскаго, но высокій даръ поэта.

Сологубъ не знаетъ страсти, но только сладострастіе. Потому такъ медлительны его стихи. Они катятся, строка за строкой, какъ лѣнивыя волны южнаго моря въ полдень, не спѣша, растягивая наслажденіе, цѣлуясь томными рифмами.

Когда мы видимъ гастронома, знающаго толкъ въ явствахъ, который съ удовольствіемъ ѣстъ тухлыя яйца, мы говоримъ не о безвкусіи, а объ извращенности. Про дикарей, пожирающихъ жуковъ и пауковъ, мы даже этого не скажемъ, а просто отстранимся — такъ они ужъ устроены.

Кто упрекнетъ Сологуба въ недостаточно развитомъ вкусѣ, прочитавъ его патріотическіе стихи о взятіи Берлина, или узнавъ, что онъ предпочитаетъ всѣмъ русскимъ поэтамъ Игоря Сѣверянина?

До Сологуба романтизмъ и пошлость были понятіями несовмѣстимыми. Одно дѣло Гофманъ, другое Свидригайловъ и мухи надъ телятиной. У Сологуба пошлость необычайна и таинственна, а тайна засижена мухами. Вѣдь не все градъ небесный или подводный китежъ. Болото таитъ много чудеснаго, на немъ ядовитые цвѣты, вкругъ нечисть обосновалась, а вода плѣсенью пахнетъ и, вообще, просто болото. Всѣ споры о Сологубѣ къ тому и сводятся, что одни видятъ только бѣсенятъ и заманчивыя незабудки, а другіе только тину и водяныхъ пауковъ. Но даже по твердой землѣ такъ трудно проводить границы и межи, а тѣмъ паче по владѣніямъ Сологуба, которыя,

какъ о нихъ ни судить, медленно, но вѣрно засасываютъ путника.

Дѣйствіе Сологуба похоже на наркотики, будто не стихи читалъ, а выкурилъ трубку опіума. Всѣ предметы выростаютъ до небывалыхъ размѣровъ, но теряютъ плоть и вѣсъ. Міръ вещей претворяется въ міръ понятій, волны ритма заливаютъ вселенную. Въ голубомъ водномъ туманѣ покой и тишина. А вотъ и самъ Сологубъ. Я не вижу ни пенснэ, ни бородавки, но только очень приманчивые и очень пустые глаза. Онъ сидитъ въ креслѣ, скрестивъ руки на животѣ, и кажется, что это не «маститый поэтъ», какъ величаютъ его репортеры, но великій Будда, остановившій движеніе всего, отъ часовъ въ жилетномъ карманѣ, до застывшихъ вкругъ мертвой земли такихъ же мертвыхъ и навѣкъ утомленныхъ міровъ.

1921.

ПРОСТАЯ ПѢСЕНКА

Подъ остріями
Вражескихъ пикъ
Свѣтикъ убитый,
Свѣтикъ убитый поникъ.

Миленькій мальчикъ,
Маленькій мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешся домой.

Били, стрѣляли, —
Ты не бѣжалъ,
Ты на дорогѣ,
Ты на дорогѣ лежалъ.

Конь офицера
Вражескихъ силъ
Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступилъ.

Маленькій мальчикъ
Маленькій мой,
Ты не вернешься
Ты не вернешься домой.

ИЗЪ ЦИКЛА
«ЛИЧИНЫ ПЕРЕЖИВАНІЙ»

Высока луна Господня.
Тяжко мнѣ.
Истомилась я сегодня
Въ тишинѣ.

Ни одна вокругъ не лаетъ
Изъ подругъ.
Скучно, страшно замираетъ
Все вокругъ.

Въ ясныхъ улицахъ такъ пусто,
Такъ мертво.
Не слыхать шаговъ, ни хруста.
Ничего.

Землю нюхая въ тревогѣ
Жду я бѣдъ.
Слабо пахнетъ по дорогѣ
Чей-то слѣдъ.

Никого нигдѣ не будитъ
Быстрый шагъ.
Жданный путникъ, кто-жъ онъ будетъ, —
Другъ иль врагъ?

Подъ холодною луною
Я одна.
Нѣтъ, не въ мочь мнѣ, — я завою
У окна.

Высока луна Господня,
Высока.
Грусть томитъ меня сегодня
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

* *
*

Измоталъ я безумное тѣло,
Расточитель дарованныхъ благъ,
И стою у ночного предѣла,
Изнуренъ, беззащитенъ и нагъ,

И прошу я у милаго Бога,
Какъ никто никогда не просилъ:
— Подари мнѣ еще хоть немного
Для земли утомительной силъ!

— Огорченья земныя несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато какъ плѣнительны весны!
Какъ прохладны объятья воды!

Какъ пылютъ багряныя зори,
Какъ мечтаютъ жасминовый кустъ,
Сколько ласки въ лазоревомъ взорѣ
И въ лобзаніи радостныхъ устъ.

— И еще вожделѣннѣй лобзанья,
Ароматнѣй жасминныхъ кустовъ
Благодатная сила мечтанья
И пѣвучая нѣга стиховъ.

— У тебя, милосерднаго Бога,
Много славы, и свѣта, и силъ.
Дай мнѣ жизни земной хоть немного,
Чтобъ я новыя пѣсни сложилъ.

13 іюня 1917 г.

* *
*

И это небо голубое,
И эта выспренняя тишь!
И кажется, — дитя ночное,
Къ землѣ стремительно летишь,

И радостные взоры клонишь
На безнадежную юдоль,
Гдѣ такъ мучительно застонешь,
Паденья ощутивши боль.

А все-таки стремиться надо,
И въ нетерпѣніи дрожать.
Не могутъ струи водопада
Свой бѣгъ надъ бездной задержать,

Не можетъ солнце стать незрячимъ,
Не расточать своихъ лучей,
Чтобы, рожденное горячимъ,
Все становиться горячѣй.

Порывъ, стремленье, лихорадка, —
Законъ рожденныхъ солнцемъ силъ.
Пролей же въ землю безъ остатка
Все, что отъ неба получилъ.

6 іюня 1918 г.

* *
*

Я испыталъ превратности судебъ,
Я видѣлъ много на земномъ просторѣ,
Трудомъ я добывалъ свой хлѣбъ,
И веселъ былъ, и мыкалъ горе.

На милой, мной извѣданной землѣ
Уже ничто меня теперь не держитъ,
И пусть таящійся во мглѣ
Меня стремительно повергетъ.

Но есть одно, чему всегда я радъ
И съ чѣмъ всегда бываю свѣтло-молодъ, —
Мой трудъ. Иныхъ земныхъ наградъ
Не жду за здѣшній дикій холодъ.

Когда меня у входа въ парадизъ
Суровый Петръ, гремя ключами, спроситъ:
— Что сдѣлалъ ты? — меня онъ внизъ
Желѣзнымъ посохомъ не сброситъ.

Скажу: — слагалъ романы и стихи,
И утѣшалъ, но и вводилъ въ соблазны
И, вообще, мои грѣхи,
Апостолъ Петръ, многообразны.

Но я — поэтъ. — И улыбнется онъ,
И разорветъ стиховъ рукописанье.
И смѣло въ рай войду, прощенъ,
Внимать святое ликованье.

Не затеряется и голосъ мой
Въ хваленьяхъ ангельскихъ, горящихъ ясно.
Земля была моей тюрьмой,
Но здѣсь я прожилъ не напрасно.

Горячій духъ земныхъ моихъ отравъ,
Невѣдомыхъ чистѣйшихъ серафимамъ,
Въ благоуханье райскихъ травъ
Вольется благовоннымъ дымомъ.

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВѢТАЕВА

Горделивая поступь, высокій лобъ, короткіе, стриженые въ скобку волосы, можетъ, разудалый паренекъ, можетъ, только барышня-недотрога? Читая стихи, напѣваетъ, послѣднее слово строки кончая скороговоркой. Хорошо поетъ паренекъ, буйныя пѣсни любитъ онъ — о Калужской, о Стенькѣ Разинѣ, о разгулѣ родномъ. Барышня же предпочитаетъ графиню де Ноай, и знамена Вандеи.

Въ одномъ стихотвореніи Марина Цвѣтаева говоритъ о двухъ своихъ бабкахъ — о простой, родной, кормящей сынковъ бурсаковъ, и о другой — о польской паннѣ, бѣлоручкѣ. Двѣ крови. Одна Марина. Только и дѣлала она, что пѣла Стеньку-разбойника, а увидѣвъ въ мартѣ семнадцатаго солдатиковъ, закрыла ставни и заплакала: «охъ, ты моя барская, моя царская тоска!» Идеи, кажется, пришли отъ панны: это трогательное романтическое старовѣрство, гербы, величества, искренняя поза Андрэ Шенье, во что бы то ни стало.

Зато отъ бабки родной—душа, не слова, а голосъ. Сколько буйства, разгула, безшабашности вложены въ соболѣзнованія о гибели «державы»!

Я давно разучился интересоваться тѣмъ, что именно говорятъ люди, меня увлекаетъ лишь то, какъ они это скучное «что» произносятъ. Слушая стихи Цвѣтаевой, я различаю пѣсни вольницы понизовой, а не окрикъ блюстительницы гармоніи. Эти изступленные возгласы скорѣй дойдутъ до сумасшедшихъ полунощниковъ парижскихъ клубовъ, нежели до брюзжащихъ маркизовъ Кобленцскаго маринада.

Гораздо легче понять Цвѣтаеву, забывъ о злободневномъ и всматриваясь въ ея неуступчивый лобъ, вслушиваясь въ дерзкій гордый голосъ. Гдѣ-то признается она, что любитъ смѣяться, когда смѣяться нельзя. Прибавлю, любитъ дѣлать еще многое, чего дѣлать нельзя. Это «нельзя», запретъ, канонъ, барьеръ являются живыми токами поэзіи своеволія.

Вступивъ впервые въ чинный сонмъ россійскихъ піитовъ, или, точнѣе, въ члены почтеннаго «общества свободной эстетики», она сразу разглядѣла, чего нельзя было дѣлать — посягать на непогрѣшимость Валерія Брюсова и тотчасъ же посягнула, ничуть не хуже, чѣмъ нѣкогда Артуръ Ренбо на возмущенныхъ парнасцевъ. Я убѣжденъ, что ей по существу не важно противъ чего буйствовать, какъ Везувію, который съ одинаковымъ удовольствіемъ готовъ поглотить вотчину феодала и образцовую коммуну. Сейчасъ гербы подъ запретомъ и она ихъ прославляетъ съ мятежнымъ пафосомъ, съ дерзостью, достойной всѣхъ великихъ еретиковъ, мечтателей, бунтарей.

Но есть въ стихахъ Цвѣтаевой, кромѣ вызова, кромѣ удали, непобѣдимая нѣжность и любовь. Не къ человѣку, не къ Богу идутъ онѣ, а къ черной, душной отъ весеннихъ паровъ,землѣ, къ темной Россіи. Мать не выбираютъ, и отъ нея не отказываются, какъ отъ неудобной квартиры. Марина Цвѣтаева знаетъ это, и даже на дыбѣ не предастъ своей родной земли.

Обыкновенно Россію мы мыслимъ либо въ схимѣ, либо съ ножемъ въ голенищѣ. Православіе, или, «ни въ Бога, ни въ чорта». Цвѣтаева — язычница свѣтлая и сладостная. Но она не эллинка, а самая подлинная русская, лобызающая не камни Эпира, но смуглую грудь Москвы. Даромъ ее крестили, даромъ учили. Жаркая плоть дышетъ подъ византійской ризой. Постами и поклонами не вытравили изъ древняго нутра неуемнаго смѣха. Русь двоевѣрка, бѣглая разстрига съ купальными игрищами заговорила въ этой барышнѣ, которая все еще умиляется передъ хорошими манерами бальзамированнаго жантильома.

Впрочемъ, все это забудется и кровавая схватка вѣковъ, и ярость сдиравшихъ погоны, и благоговѣніе на эти золотые лоскуты молившихся. Прекрасные стихи Марины Цвѣтаевой останутся, какъ останутся жадность къ жизни, воля къ распаду, борьба одного противъ всѣхъ и любовь, возвеличенная близостью подходящей къ воротамъ смерти.

1920.

* *
*

Настанетъ день — печальный, — говорятъ —
Отцарствуютъ, отплачутъ, отгорятъ,
— Остужены чужими пятаками, —
Мои глаза, подвижные какъ пламя,
И, двойника нащупавшій двойникъ,
Сквозь легкое лицо проступитъ — ликъ.

О, наконецъ, тебя я удостоюсь,
Благообразія прекрасный поясъ!

А издали, — завижу-ли я васъ?
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожкѣ черной
Къ моей рукѣ, которой не отдерну,
Къ моей рукѣ, съ которой снятъ запретъ,
Къ моей рукѣ, которой больше нѣтъ.
На ваши поцѣлуи, о живые,
Я ничего не возражу, впервые!

Меня окуталъ съ головы до пятъ
Благообразія прекрасный платъ.
Ничто меня уже не вгонитъ въ краску:
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицамъ оставленной Москвы
Поѣду я, и побредете — вы,
И не одинъ дорогою отстанетъ,
И первый комъ о крышку гроба грянетъ,
И наконецъ-то будетъ разрѣшенъ
Себялюбивый, одинокій сонъ.

Прости, Господь, погибшей отъ гордыни
Новоприставленной бояринѣ Маринѣ.

1916.

* *
*

Идешь на меня похожій,
Глаза устремляя внизъ.
Я ихъ опускала — тоже!
Прохожій, остановись.

Прочти, слѣпоты куриной,
И маковъ набравъ букетъ,
Что звали меня Мариной
И сколько мнѣ было лѣтъ.

Не думай, что здѣсь могила,
Что я появляюсь, грозя —
Я слишкомъ сама любила
Смѣяться, когда нельзя!

И кровь приливала къ кожѣ
И кудри мои вились,
Я тоже была, прохожій!
Прохожій, остановись!

Я вѣчности не пріемлю
Зачѣмъ меня погребли?
Я такъ не хотѣла въ землю
Съ любимой моей земли!

Сорви себѣ стебель дикій
И ягоду ему вслѣдъ,
Кладбищенской земляники
Крупнѣй и слаще нѣтъ.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустивъ на грудь.
Легко обо мнѣ подумай,
Легко обо мнѣ забудь.

Какъ лучъ тебя освѣщаетъ!
Ты весь въ золотой пыли...
— И пусть тебя не смущаетъ
Мой голосъ изъ-подъ земли!

1916.

* * *

Охъ, грибокъ, ты мой, грибочекъ, бѣлый груздь! —
То шатаясь причитаетъ въ полѣ — Русь,
— Помогите, — на ногахъ не тверда.
Отуманила меня кровь — руда!

И справа и слѣва
Кровавые зѣвы
И каждая рана:
— Мама!

И только и это
И внятно мнѣ, пьяной,
Изъ чрева — и въ чрево:
— Мама!

Всѣ рядкомъ лежатъ, —
Не развесть межой.
Поглядѣть: солдатъ!
Гдѣ свой, гдѣ чужой?

Бѣлый былъ — краснымъ сталъ,
Кровь обагрила.
Краснымъ былъ — бѣлый сталъ,
Смерть побѣлила.

Кто ты? — Бѣлый? — Не пойму! — Привстань!
Аль у красныхъ пропадалъ? — Рязань!

И справа, и слѣва,
И сзади, и прямо
И красный, и бѣлый
— Мама!

Безъ воли — безъ гнѣва —
Протяжно — упрямо —
До самаго неба:
— Мама!

Декабрь 1920.

* *
*

Уже боговъ — не тѣ уже щедроты
На берегахъ — не той уже рѣки.
Въ широкія закатныя ворота
Венерины, летите, голубки!

Я-жъ на пескахъ похолодѣвшихъ лежа,
Въ день отойду, въ которомъ нѣтъ числа...
Какъ змѣй на старую взираетъ кожу,
Я молодость свою переросла.

4-го октября 1921 г.

* *
*

Пустоты отроческихъ глазъ! Провалы
Въ лазурь! Какъ ни черны — лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби въ нихъ, ни лона.
Вселенная въ нихъ правитъ ходъ.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звону!
Книгохранилища пустотъ.

Провалы отроческихъ глазъ! — Пролеты!
Душъ раскаленныхъ — водопой.
Оазисы! Чтобъ всякъ хлебнулъ и отпилъ,
И захлебнулся пустотой.

Пью, не напьюсь. Вздохъ — и огромный выдохъ,
И крови ропщущей подземный гулъ.
Такъ по ночамъ, тревожа сонъ Давидовъ,
Захлебывался Царь Саулъ.

12 августа 1921 г.

Оглавленіе.

Стр.

Анна Андреевна Ахматова 7

Настоящую нѣжность не спутаешь 10
Можжевельника запахъ сладкій 11
Есть въ близости людей завѣтная черта . . 12
Тяжела ты, любовная память 13
Чѣмъ хуже этотъ вѣкъ предшествовавшихъ? 14

Юргисъ Казимировичъ Балтрушайтисъ . . 15

Заповѣдь скорби 18
Вѣрую 19
Песочные часы 21
На улицѣ 22
Сказка 24

Константинъ Димитріевичъ Бальмонтъ . . 25

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце 31
Она отдалась безъ упрека 32
Я — изысканность русской медлительной рѣчи 33
Безглагольность 34
Не собралъ я этимъ лѣтомъ Божьей жатвы . 35

Александръ Александровичъ Блокъ 36

Россія 40
О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ 41
Все на землѣ умретъ—и мать, и младость . . 42
Рожденные въ года глухіе 43
Скиѳы 44

Стр.

Валерій Яковлевичъ Брюсовъ 48

Вечерній приливъ 53
Я 54
Поэту 55
Веселый зовъ весенней зелени 56
Третья осень 58

Андрей Бѣлый 61

Довольно, не жди, не надѣйся 65
Золотому блеску вѣрилъ 66
Родинѣ 67
Есть въ лѣтѣ что-то роковое, злое 68
Рыдай, буревая стихія 69

Максимиліанъ Александровичъ Волошинъ . 70

Глубь земли... Источенныя крипты . . . 74
Склоняясь ницъ, овѣянъ ночи синью . . . 75
Замеръ духъ — стыдливый и суровый . . . 76
Въ эти дни великихъ шумовъ ратныхъ . . 77
Видѣніе Іезекіиля 78

Сергѣй Александровичъ Есенинъ 82

Край родной, поля, какъ святцы 86
Буду пѣть, буду пѣть, буду пѣть 87
Пѣснь о собакѣ 88
Я послѣдній поэтъ деревни 90
Отрывокъ 91

Вячеславъ Ивановичъ Ивановъ 92

Погостъ 96
Гимны Эросу I 97
„ „ III 99
Зимніе сонеты VI 100
„ „ X 101

Осипъ Эмиліевичъ Мандельштамъ 102

Образъ твой, мучительный и зыбкій 106
Я не слыхалъ разсказовъ Оссіана 107
Имѣю тѣло, что мнѣ дѣлать съ нимъ . . . 108
Tristia 109
Сумерки Свободы 111

Стр.

Владимиръ Владимировичъ Маяковскій . . . 113

Отрывокъ изъ „Войны и Міра“ 118
Прологъ къ „Мистеріи-Буффу“ 121
Приказъ по арміи искусства 123
Нашъ маршъ 125

Борисъ Леонидовичъ Пастернакъ 127

Не какъ люди, не еженедѣльно 131
Памяти демона 132
Сложа весла 133
Образецъ 134
Изъ суевѣрья 136

Федоръ Сологубъ 137

Простая пѣсенка 142
Изъ цикла „Личины переживаній“ 143
Измоталъ я безумное тѣло 145
И это небо голубое 147
Я испыталъ превратности судебъ 148

Марина Ивановна Цвѣтаева 150

Настанетъ день — печальный говорятъ . . 153
Идешь на меня похожій 155
Охъ, грибокъ, ты мой грибочекъ, бѣлый груздь! 157
Уже боговъ — не тѣ уже щедроты 159
Пустоты отроческихъ глазъ! 160

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3233
.E34
1922